

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

С.А. Ахмедова
А.В. Петров
Т.Б. Зайцева
С.В. Рудакова

ДОЛГОРУКОВ И.М.
«Я ЧУВСТВАМИ БОГАТ, НО БЕДЕН В ИЗЪЯСНЕНЬИ»

Хрестоматия

Магнитогорск
2020

Рецензенты:

учитель первой квалификационной категории,
преподаватель-исследователь,
директор МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 61» г. Магнитогорска
Н.В. Ярина

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник лаборатории народной культуры НИИ ИАФ,
ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический
университет им. Г.И. Носова»
Е.Г. Постникова

Ахмедова С.А., Петров А.В., Зайцева Т.Б., Рудакова С.В.

Долгоруков И.М. «Я чувствами богат, но беден в изъяснении» [Электронный ресурс] : хрестоматия / Сабина Адиловна Ахмедова, Алексей Владимирович Петров, Татьяна Борисовна Зайцева, Светлана Викторовна Рудакова ; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (0,94 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-9967-1999-0

Иван Долгоруков – один из забытых поэтов русской литературы конца XVIII – начала XIX вв. Пособие включает в себя вступительную статью, хрестоматию (философские и любовные стихотворения разных жанров), комментарии и глоссарий. Адресовано литературоведам, лингвистам, историкам, культурологам, студентам-гуманитариям и всем, кто интересуется отечественной словесностью.

Пособие предназначено для студентов очной и очно-заочной форм обучения по направлениям подготовки 45.03.01 Филология, 45.04.01 Филология, 45.06.01 Языкознание и литературоведение и обеспечивает предметы «История отечественной литературы», «Основы теории литературы», «Филологический анализ текста», «Литературная критика и редактирование», «Мировоззренческие аспекты русской литературы», «Художественная концептосфера», «Драматургия текста», «Семиотика текста», «Компаративистика», «Литература в кругу других искусств», «История и теория жанров», «Русская литература в контексте культуры», «Проектная деятельность».

Стихотворения печатаются по изданию:

Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукаго: в 4-х частях. М.: Университетская типография, 1817–1818.

Художник: член Интернационального Союза писателей, кандидат педагогических наук, магистр филологии – Андрей Казикин

УДК 82-1/29
ББК 94

ISBN 978-5-9967-1999-0

© Ахмедова С.А., Петров А.В.,
Зайцева Т.Б., Рудакова С.В., 2020
© ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова», 2020

«Я чувствами богат, но беден в изъясненъи»

*Моим дорогим учителям –
А. В. Петрову и Т. Б. Зайцевой
с безграничной признательностью*

Содержание

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ДОЛГОРУКОВ, КНЯЗЬ (1764–1823).....	6
ХРЕСТОМАТИЯ	12
ПРИМЕЧАНИЯ	75
ГЛОССАРИЙ ЛИЧНЫХ ИМЁН, НАЗВАНИЙ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ	84
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	87

ИВАН МИХАЙЛОВИЧ ДОЛГОРУКОВ, князь (1764–1823)

Князь Иван Михайлович Долгоруков (Долгорукий) – поэт не просто забытый, но практически неизвестный современному читателю. Как признавал сам А. С. Пушкин, «Долгоруков неограниченное, но великое русское дарование» [15, с. 332]. Многие современники Пушкина отмечали, что ему очень нравились не только сатирические стихотворения Долгорукова, например, «Авось», но и различные словесные обороты, придуманные князем, изящные и, вместе с тем, точно передающие состояние влюбленности [15, с. 332]. Пушкин видел в Долгорукове фигуру, разномасштабную Державину, но первый из них, уступив второму, остался в тени. Уместным здесь будет привести суждение П. А. Вяземского: «Не знаю в точности почему, а может быть, просто и ошибаюсь, но, читая Долгорукова, я невольно припоминал Державина: разумеется, не того, который парит, а того, который легко и счастливо скользит по земле и метко дотрагивается до всего житейского» [цит. по: 35, с. 61].

В том, что в Долгорукове проступали манеры Державина, был убежден и главный биограф поэта – Михаил Александрович Дмитриев. Критик подчеркивал, однако, что «всё, его [Долгорукова. – С. А.] окружавшее, так тесно связано с его стихотворными произведениями, что они сами, так сказать, просятся в описание его жизни, как необходимая обстановка, которой биограф никак не может изобразить лучше самого поэта» [14, 87]. Что у Долгорукова отсутствовало – так это знание «искусства»; не хватало ему, следовательно, и вкуса. Но Долгоруков, в свою очередь, имел на этот счёт своё мнение: «Где есть искусство, там тщетно искать чувства...» [15, 333].

***

Родился И. М. Долгоруков в Москве 18 апреля 1764 года (по старому стилю – 7 апреля). Воспитывался учителями и наставниками-французами; важнейшую роль в его воспитании и образовании сыграли женщины, привившие ему приятные манеры, хороший тон и «вежество». С одиннадцатилетнего возраста он уже так преуспел в иностранных языках, в частности в латинском языке, что мог легко читать Горация, Вергилия и других римских авторов [14, с. 9]. В 1778 году Долгоруков поступил в гимназию Московского университета, где начались его первые литературные опыты.

Долгоруков дважды был женат. Имел 10 детей от первого брака с Евгенией Сергеевной Смирновой; овдовев, в 1807 г. женился на Аграфене Алексеевне Пожарской. Быть женатым, в его понимании, не значит не восхищаться другими женщинами. Несмотря на сильные чувства к жене Евгении, находиться в обществе женщин или сочинять стихи об одном из объектов своей страсти было едва ли не главным «счастьем» в жизни Долгорукова. Князь мог увлечься одновременно несколькими женщинами, причем о каждой из них мог говорить или вспоминать пылко и страстно. Влюбившись, забывал обо всём на свете, и это иногда стоило ему карьеры. По словам В. И. Коровина, некое

любовное похождение князя послужило поводом к удалению его с должности вице-губернатора Пензенской губернии [15, с. 344].

На склоне лет Долгоруков имел вполне определенные взгляды на политику, службу и светскую жизнь. Его жизненными ориентирами являлись дружба, «мелочи» семейных отношений, счастье частного человека [см.: 1; 2; 7; 11; 18; 21; 22; 24; 25; 34]. Такого, «простого» человека он считает более духовным, человечным, чем того, кто сосредоточен на карьере, материальных благах, интригах. На определённом этапе своей жизни Долгоруков приходит к осознанию того, что частная жизнь человека относительно независима и способна доставить не меньше удовольствий и наслаждений, чем бурная государственная, военная и любая другая деятельность на виду у всех [15, с. 324].

***

Самобытность фигуры Долгорукова во многом обусловлена той эпохой, в которую ему довелось жить. Для князя такое эпохой явился рубеж XVIII–XIX веков [см.: 1; 9; 16; 19–28; 31, 32; 38]. Прожив в новом столетии почти четверть века, Долгоруков предпочитал придерживаться правил и норм культуры XVIII столетия, иначе говоря, оставался человеком «минувшего века». И эта особенность стала, образно говоря, основой его поэтики. Знаменитый княжеский род Долгоруковых всегда составляли приверженцы старины, допетровских обычаев и нравов. Долгоруковы выступали за старинный уклад жизни в тот период, когда Петр I сильной рукой вводил Россию в европейское культурное пространство. Однако, с опорой на мнение В. И. Коровина, мы можем утверждать, что Долгоруковы не были против европеизации России, напротив, они являлись сторонниками политики императора Петра, но не могли противиться издавна сложившейся страсти хранить «старинные нравы и обычаи в частном быту, в своих имениях и в укладе русской жизни» [15, с. 286].

Этим можно отчасти объяснить склонность Долгорукова к бытописанию [9; 10; 22; 25; 36]. Вот, например, стихотворение «Камин в Пензе», которое наполнено бытописательными элементами. Автобиографический герой погружается в мечтания (от скуки, как он сам говорит):

*Камин! к тебе я обращаюсь!
Ты в скуке мне великий друг!*

Главным своим другом скучающий поэт считает домашний очаг:

*Коль в мрачну думу углубляюсь
Ты всю её разгонишь вдруг.*

С конца XVIII в. начинает наступать «чувствительная» эпоха, когда человек должен был прислушиваться к своим чувствам не меньше, чем к разуму. При этом Долгоруков осознает некоторую несправедливость по отношению к своему роду со стороны власти. Он пытается найти своё место в

обществе и, погружаясь в размышление о своей жизни, утверждаясь в мысли, что основой взаимоотношений с людьми могут стать чувства, которые одинаково присущи как ему, так и любому другому человеку, в том числе крестьянину [15, с. 329].

***

На глазах Долгорукова произошел «культурный взлет нации, сформировался национальный литературный язык, русская литература стремительно набирала художественную высоту» [15, с. 327]. Князь пробовал себя в самых различных жанрах, не преследуя цель получить литературный заработок. Наследие Долгорукова богато лирическими, драматическими произведениями, а также мемуарами и переводами.

Помимо словесности, князь находил удовольствие в театре. Увлечение театром начинается с посещений дамских салонов, хозяйками которых были, в частности, Варвара Петровна Волконская и Варвара Александровна Трубецкая. Там актеры-любители ставили спектакли. Одним из постоянных их участников был сам Долгоруков. Зачастую в пьесах главная роль доставалась Е. С. Смирновой, первой жене поэта, воспетой им во многих стихотворениях. В своих мемуарах он часто отмечает, насколько прекрасно она справлялась со своей ролью на сцене. Долгоруков проводил такие вечера и у себя дома, как правило, в субботний день.

Подобные «вечеринки» князь в особенности любил проводить у княгини В. А. Трубецкой, жены Н. Н. Трубецкого, сводного брата Хераскова. Их с князем связывало то, что сама Трубецкая, помимо театра, увлекалась поэзией, писала драмы. В начале 1800-х гг. она вступила в поэтический диалог с Долгоруковым. Этот «диалог» может считаться образцом салонно-аристократической лирики, содержащей характерные для сентиментализма темы (дружба, разлука и т. п.) [см.: 3; 7; 11; 12; 20; 21; 22–27; 30; 34]. В ходе «диалога» с Трубецкой князь обнаруживал и словесно формулировал для самого себя некие максимы поведения. Так, последняя строфа стихотворения «Спор» вошла в поговорку:

*Вперед не спорь, да будь умнее,
И знай, пустая голова,
Что всякой логики сильнее
Любезной женщины слова.*

Поэтический словарь Долгорукова был богат простонародной речью, пословицами и поговорками. Его аристократизм переплетался здесь с простонародностью, а чистосердечие и искренность – с болтливостью и шутовством [15, с. 332].

В доме В. П. Волконской также организовались театральные представления. Долгое время Долгоруков испытывал к Варваре Петровне серьезную привязанность, причём княжна вызывала у него прямо противоположные чувства: любовь и ненависть. Пылкая страсть к ней не

переросла в нечто серьёзное, но в конечном итоге оставила след в жизни и отчасти определила тональность и жанровое наполнение его любовной лирики. Поэт посвятил Волконской цикл стихов, в которых она была выведена под условно поэтическим именем «Глафира»: «Глафире» («Глафира! ты одна весь ум мой заняла.»), «Ей же» («В счастливый жизни час спознавшись с тобою...»), «Ей же» («Признательности дань плачу здесь, музы, вам!»).

***

В 1790-е гг. в моду входило поклонение прекрасному полу, прославление в стихах красоты или же пламенное выражение страсти. Долгоруков создает нечто вроде «куртуазной трилогии» в стихах, где воспевает свою возлюбленную – княжну совсем как рыцарь-трубадур:

*И, словом, всех сторон сокровища собрав,
На каждой жизни миг дарил ей тьму забав.*

Куртуазные мотивы пришли в поэзию Долгорукова, скорее всего, из известных ему стихов французских авторов XVII–XVIII вв., а также из русских переводов и подражаний [8].

Примечателен, например, цикл из пяти стихотворений, приуроченных к праздникам [см.: 11]. Дни праздничных поздравлений распределены влюблённым Долгоруковым следующим образом: «На именины», «На новый год», «В день Светлого Воскресения», «На именины», «Дочерняя любви достойный образец!». Расположены эти «случаи» в цикле по дням «личного календаря», по которым «отмечает для себя, празднует в своем сердце влюбленный Долгоруков» [24, с. 185]. По словам биографа и современника князя, М. А. Дмитриева, «На именины» отличались «лёгкостью стиха», они чаще всего «повторялись всеми и были в памяти у всех» [14, с. 38].

Перу князя принадлежит немало песен, написанных в духе сентиментализма. Вот, например, стихотворение «Ах как скучно жить в разлуке», в котором ярко проявляются простота и лёгкость поэтического слова Долгорукова. Опорой, стержнем человеческой жизни объявляются здесь любовь, страсть и отрада:

*Сколько слава ни пленяет!
Хотя тьму сулит награда,
Но таких не доставляет,
Как любовь, страсть, отрада.*

Разлука с любимой кажется герою трудным испытанием. Его единственное желание – это «пленять» и «быть» рядом со своей возлюбленной Ниной. Под данным псевдонимом скрывалась первая жена князя – Евгения:

*Нину видеть повсечасно,
Но страшась разлуки с ней,*

*И её пленяя страстно,
День от дня ей быть милей.*

Здесь мы можем заметить, что авторский язык Долгорукова формировался с помощью смешения трех основных стилевых пластов – поэтического, ораторского и светски-обиходного, разговорного [15, с. 332]. При этом они не образовали единую систему, а используются поэтом ситуативно, с опорой на его личные переживания и настроения.

***

Поэзия Долгорукова отмечена противоречиями: по внешним, жанровым формам своих произведений Долгоруков склоняется к лирике, тогда как по их содержанию – к сатире [10; 25; 36]. У поэта есть и чисто лирические стихотворения, некоторые из них близки к оде, хотя в целом ему чуждо одическое «парение». Наглядный пример такой «неодической оды» – стихотворение «Авось»:

*О слово милое, простое!
Тебя в стихах я восхваляю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всем сердцем я люблю!
Без важных вычур, но прекрасно!
Ты кратко всякому и ясно
Свой вес почувствовать даёшь.
Куда с копытом конь помчится,
Туда же рак ползком тащится;
Обоих в путь один ведёшь.*

Те же противоречия кроются и в личности поэта. По своей литературной стратегии он находится между «серьезнейшим, профессиональным внутренним отношением к литературе» и «демонстративной внешней позой поэта-дилетанта» [22, с 190]. Парадокс состоит в том, что образ поэта-дилетанта князь примерял на себя, будучи человеком очень образованным.

***

Рукописей поэтических произведений Долгорукова сохранилось мало, в три прижизненных издания вошло всё, что он посчитал нужным туда включить. В конце 1810-х гг. издаётся собрание его сочинений «*Бытие сердца моего, или Стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукова*» (ч. 1–4, в двух переплетах с рукописными дополнениями самого автора). В четырех частях сборника нашлось место любовной и философской лирике, элегиям и стихотворениям сатирического содержания.

В это время он окончательно и осознанно рекомендует себя поэтом-дилетантом, то есть автором, не рассматривающим творчество в качестве профессии. Долгоруков активно продвигает свою литературную продукцию

под «масками» «лёгкого» поэта и сатирика. Долгоруков стремится в своих стихах запечатлеть «жизнь чувствительной эпохи». Излюбленные темы его стихотворений – любовь, дружба (между женщиной и мужчиной), праздная жизнь, веселье и счастье частного человека. Например, в стихотворении «Зачем мы в жизни суетимся» автобиографический герой понимает, что счастье – мимолётно и после него неизбежно наступает печаль:

*Зачем мы в жизни суетимся
По чести, трудно отгадать;
Едва минутой насладимся,
Как должны целый день страдать.*

Объектом своего внимания поэт делает «простого» человека – рядового дворянина, небогатого и нечиновного. Главное, на что он способен, – просто быть счастливым:

*Оставим сильным всё на свете,
И от лихих уйдём людей! –
Поставим мы себе в предмет
Простое счастье, без затей.*

Способность испытывать «земное» счастье можно расценивать, пожалуй, как «социокультурную практику» Долгорукова. Духовность, участливость, праздность, счастье и веселье – эти качества, ценностные ориентиры и делали его человеком XVIII века [см.: 1; 2; 7; 9–11; 12; 21; 22–25; 28; 29; 34].

Будучи бытописателем частной жизни и певцом свободного человеческого чувства, поэт увлекся песенным жанром. Свои лучшие произведения, написанные в нём, Долгоруков объединил в цикле под названием «Песни на разные голоса». Другой авторский цикл стихотворений в «народном» стиле – это «Гудок Ивана Горюна». Некоторые песни, вероятно, были написаны на «голоса» популярных в конце XVIII века романсов, другие же, скорее всего, были положены на музыку и пелись в салонах. Авторы музыки на тексты поэта и исполнители этих песен неизвестны.

***

Долгоруков-поэт был быстро забыт после своей смерти. Ушла его эпоха и вместе с ней – непонятные уже последующим поколениям жизненные ценности и поэтические формы. «Галантный» век ушел безвозвратно; наступал «железный век» (Е. А. Боратынский), эпоха романтизма с ее неразрешимыми метафизическими противоречиями. Светские поэтические «безделки» отошли далеко на периферию литературного процесса и никогда уже не будут занимать того заметного места в русской литературной культуре, которое было у них на рубеже XVIII–XIX вв., и не в последнюю очередь благодаря князю и поэту Ивану Михайловичу Долгорукову.

ХРЕСТОМАТИЯ

ЛЮБОВНЫЕ СТИХИ

К Амуру

Когда любви приятный пламень
Проникнет в сердце, тронув слух,
То сердце будь хоть дикий камень,
Любви воздействует в нём дух.

Когда любви огонь сверкает,
В очах любезной красоты,
Какой бесстрастный не растает,
Узря небесные черты?

Амур, сокровище природы,
Дитя любимое небес,
Символ блаженства, бог свободы!
Тобою сохнут капли слёз.

Как солнца яркий луч весною,
Прогнав жестокости зимы,
Живут все твари теплотою
И свет рождает вдруг из тьмы:

Так сей Венерин сын прекрасный,
Когда явит приятный взор,
В твердейше сердце дух свой страстный
И райских чувств вселит собор.

Я здесь вседневно созерцаю
Его улыбку, милый вид;
Его лобжу, его ласкаю:
Он мне не делает обид.

Всмотритесь вы в него прилежно,
Коснитесь крылышек его!
Что может быть толика нежно?
Ах! нет на свете ничего! –

Амур! в моём уединеньи
Будь век красой судьбы моей,
И сердца сладкие биенья
Душою оживи твоей!

Тебя я жертву непорочну
Готов вседневно возсылать,
Тебе, властителю всемогучу,
Готов всю душу я отдать.

Готов; – но ты давно имеешь
И клятвы и дары мои:
Ты мной с рождения владеешь,
И мысли все мои – твои.

Не покидай меня вовеки;
И чтоб потом против меня
Не возмечтали человеки,
Благополучен буду я! –

Минутная тоска от разлуки

Мучительно любить
И милого лишаться,
Дни счастья пережить,
Чтоб с горестью спознаться!
Любовью жизнь красна,
Любовью долговечна;
Вселенна несносна
Без чувства сердечна.

Что пользы в дом зазвать
К себе народа кучу?
Гостям ли разогнать
На сердце черну тучу?
И в поле том не впрок
Гулянье повернется,
Где аленький цветок
В глаза не попадет.

Я чувствую себя
И жизнью наслаждаюсь
Тогда лишь, как любя
Любовью награждаюсь;
Кой час огонь потух,
Что мы зовём любовью,
Пресекся жизни дух
И лёд смешался с кровью.

Всё с тобой меня прельщает...

Всё с тобой меня прельщает
При тебе я всё люблю
Грусть души не возмущает,
Мук сердечных не терплю;
Без тебя я всем скучаю,
Не люблю я ничего, –
Славу тягостью считаю,
В ней нет счастья моего.

Сладки чувства в нас рождает
Один взор приятный твой;
Для меня он всё вмещает –
Счастье, радость и покой:
Им хочу я наслаждаться,
И доколе буду жить,
Лишь тобою заниматься,
Лишь одну тебя любить.

В том свою я поставляю
Честь, богатство и закон!
Страстью тая, не равняю
С твоим сердцем самый трон.
Пусть тщеславцы веселятся
Блеском суетных честей;
Мне дано тобой пленяться, –
Выше всех чту жребий сей.

По тебе я воздыхаю...

По тебе я воздыхаю,
Для тебя хочу лишь жить!
Ничего так не желаю,
Как с тобой любимым быть!

Пусть мечта, пусть слава тленна
Покоряет мир себе;
Ты одна мне драгоценна,
Я подвластен лишь тебе.

Нет моей подобной доле
Коль тебе я вправду мил,

Я и Бога чту тем боле,
Что тебя Он сотворил.

Ты природу украшаешь,
Ты вселенной блеск даёшь,
Ты жестокость упрощаешь,
И сердца холодны жжёшь.

Люблю с тобою говорить...

Люблю с тобою говорить,
К тебе все мысли устремляя;
Люблю твой каждый взор ловить,
В нём тьму приятностей встречая;
Люблю везде с тобой быть,
Твоей во всем подвластен воле,
Люблю тебя одну любить,
Люблю тебя любить всех боле.

Люблю я на тебя смотреть,
Когда сон сладкий прерываешь;
Люблю у ног твоих сидеть,
Когда ты снова засыпаешь;
Люблю твоим любезным слыть,
Люблю им быть на самом деле;
Люблю с тобой всё делить,
Люблю во всяком жить уделе.

Люблю тебя тем счастьем льстить,
Что ты мила мне вечно будешь;
Люблю свой дух тем веселить,
Что ты меня не позабудешь;
Люблю ничем не дорожить,
Как только лишь тобой одною;
Люблю в твоём я сердце жить,
Неся твой зрак везде с собою.

Люблю и мыслить, и твердить,
Что ты всех качеств совершенство,
Люблю то вправду находить,
И ставлю в том свое блаженство;
Люблю во всем с тобой равнять
Царей, богов; – но всё то мало!

Тебя тебе ж уподоблять, —
Вот чем хвалить тебя пристало!

Ах! как скучно жить в разлуке...

Ах! как скучно жить в разлуке
С тою, кто души милей!
Нет ни доли, нет ни муки,
Чтоб могла сравниться с ней!
И несчастье прелестно
Для того, кто с дорогой;
А тому ничто не лестно,
Кто не зрит ее с собой.

Нет другого нам блаженства,
Как любя любиму быть;
Нет и в счастье совершенства,
Коль нельзя его делить!
Если бы я и над вселенной
Вдруг явился господин,
Он любезной отлучённой
Буду я везде один.

Сколько слава ни пленяет!
Хотя тьму сулит награда,
Но таких не доставляет,
Как любовна, страсть, отрада.
И в порфире на Престол
Мира грозные Судьи
У красавицы в неволе
Часто жертвуют любви.

Утекайте, злы минуты,
И промчите грусть мою!
Унесите вздохи люты
И со слезами, кои лью!
О Владыки всего света!
Дайте милую обнять!
У ног милого предмета
Дайте рай скорее вкушать!

Нину видеть повсечасно,
Но страшась разлуки с ней,
И её пленяя страстно,

День от дня ей быть милей, –
Вот каких я благ желаю?
Нет иных ум для меня.
Все вам, смертные, уступаю;
Будь лишь Нина век моя!

Без любви на свете можно...

Без любви на свете можно
Дни счастливы проводить –
Думал я неосторожно,
И хотел уж не любить.
Наша жизнь одна минута;
Надо пользоваться ей;
А любовь есть мука люта!
Ах! что в ней, что в ней, что в ней!

Все любовники вздыхают
Без удачи, без пути;
Все любовницы желают
Тщетно радости найти.
Радость прежде обитала
Без любви в душе моей;
Когда всех любовь сражала,
Я один твердил: что в ней!

Где любовь, там и досада,
Там неволя, тягота;
Во всех случаях преграда,
Она горькая мечта,
Я свободой наслаждался
В тишине без страстных дней,
Над любовью насмеялся,
И певал: что в ней, что в ней.

Но подслушала Глафира,
И мне бросая нежный взор,
Научила прелесть мира
Находить в любви с тех пор.
Я, ее познавши свойство,
Нахожу, что в жизни сей
Счастье, радость и спокойство –
Ах! всё в ней, всё в ней, всё в ней!

Без тебя, моя Глафира!

Без тебя, моя Глафира,
Без тебя, как без души;
Никакие Царства мира
Для меня не хороши.
Мне повсюду будет скучно,
Не могу я быть счастливым;
Будь со мной неразлучно,
Будь со мной, доколе жив!

Ни богатства не желаю,
Ни в большие Господа;
Все другим – то уступаю,
Будь лишь ты со мной всегда: –
Вот одно моё желанье!
У меня другого нет;
Без тебя – вся жизнь страданье,
Без тебя – пустыня свет.

Я люблю тебя всех боле,
Я люблю одну тебя;
В толь приятной сердцу доле
С кем сравню я себя?
Ах! ни с кем, ни с кем, конечно!
Только ты люби меня:
Буду счастлив, будешь вечно
Ты мой друг и жизнь моя!

Прости! я обнимаю

Прости! я обнимаю
Тебя в последний раз,
Печали век встречаю
Утех за краткой час.
Лети в страну далеку,
Лети других пленять;
Счастливым следуй року,
Оставь меня страдать!

Мои красы завянут,
Я выучусь шутить;
Тебя хвалить все станут,
А я одна любить,

Я к сердцу мне драгому
От сердца весть пошлю;
Уста мои другому
Не скажут: я люблю.

Нет, чувств иных не знаю,
Как собственно твои,
И к ним я применяю
Все склонности мои.
Коль счастлив ты – я рада,
Коль грустен – я крушусь;
Твой смех – моя отрада;
Заплакал ты – я рвусь.

Вся мысль моя, ты знаешь,
Тебе принадлежит;
Ты сердцем обладаешь,
Оно к тебе лежит.
За все мое пристрастье
Одну меня люби;
Почту себя за счастье
И вид один любви.

Любовь нам не в отраду...

Любовь нам не в отраду,
Но в муку создана;
Рождает лишь досаду
И грусть в сердцах она.
Любя, нельзя покою
Нигде, ни в чём найти:
С чувствительной душою
Беда на свете жить!

О милая Глафира!
Без сердца твоего
На что мне Царства мира?
Не надо ничего.
Тобой я утешаюсь,
Тобою изумлён;
Ты взглянешь – восхищаюсь,
Ты молвишь – я блажен!

За что ж меня терзаешь,
Холодностью своей,
Когда так твердо знаешь,
Что ты мне всех милей?
Что власть твою вмещаю
Во власть самих Богов,
Любовь твою считаю
Всех выше их даров?

Смягчи суровость рока!
И скорбь мою пойми;
Или не будь жестока
Иль жизнь мою возьми!
Тобой – ни кем иною,
Могу я находить,
Что с нежною душою
Приятно в свете жить.

**Эпиталама.
Е...П...У...**

В супружество вступив, вы тайну ту познали,
Которая сердец венчает и нежну страсть;
Вкушайте без помех приятнейшую часть,
И мир да гонит прочь от ваших дней печали!

Супруг! Люби жену, коль счастлив быть желаешь,
И свято сохраняй ей верности устав:
Да будет ей во всем всегда открыт твой нрав,
Чтоб знала прежде всех, о чем ты воздыхаешь.

Супруга! будь равно и ты с ним откровенна,
Покорна – как жена, привержена – как друг;
Прибежищем твоим чтоб милый был супруг;
Сим способом одним ты можешь быть блаженна.

Нет счастья на земле, коль нет благоустройства!
Старайтесь его в семье своей хранить;
Учитесь иногда друг другу сновить:
Смиреньем мы людей пленяем всяки свойства.

Живите, словом, так между собою вечно,
Чтоб истинно узнать, что там не нужен клад,
Где (так как говорят) с женой у мужа лад:
Сего приятель ваш желает вам сердечно.

Луна

Луна! ты хороша, ты мой пленяешь взор
Не тем, что с ясным днём ты ночь равняешь в мире,
Не тем, что вокруг тебя планет горит собор;
Люблю тебя за то, что нравишься Глафире.

Глафире

Глафира! ты одна весь ум мой заняла!
Мне весело, когда ты весела;
Твоя печаль меня томит и огорчает;
С тобой мне хорошо, в разлуке всё смущает!

Ты помнишь разговор вчерашний мой с тобой,
В котором я, твоей занявшийся судьбой,
Привязанность мою тебе открыть старался;
Напрасно я твоим вниманием ласкался!
Глубоко скрыв тоску, поехал я к себе;
Дорогой помышлял лишь только о тебе.
Сопутствовали мне повсюду злы печали;
Уста мои тебя и дома называли.
Разделся, лег я спать; но сон не шел на ум,
Тревожило меня собранье мрачных дум.
Вскочил – ходил – сидел – пел песни, – всё напрасно;
Глафира! ты везде мечталась мне всечасно.
Расклат я свой камин, подвинув кресла, сел,
И вечным смерти сном уснуть бы тут хотел,
Геката мне в окно лучи свои бросала
И бледным светом их мой уголь озарила.
Сладчайшие мечты текли в отраду мне,
Послушай, что с собой вещал наедине:
Когда бы, говорил мне мудрость боги дали,
Какою в старину во Греции сияли, –
Я род бы смертных всех к ногам её привлѣк,
Глафиру божеством вселенной нарек!
Тогда бы призван был я свету дать уставы,
Глафирой обольстив и самы дики нравы,
Велел бы всюду то законом почитать,
Что вздумается ей хотеть и приказать!
Когда б, как Александр победоносный славен,
Среди владык земных ни с кем я не был равен, –
В то время бы, в свой плен подсолнечный взяв
Сей план поверг пред ней со множеством Держав!

Когда б, как Демосфен словами изумляя,
 Мог души колебать, на все их побуждая, —
 Хотел бы л тогда заставить целый свет
 Почувствовать, что ей нигде подобных нет!
 Когда бы, как Вольтер, познав стихов искусство,
 Умел я, так, как он восхитить смертных чувство, —
 Тогда б не только сам я рифмы стал слагать
 Чтоб свойства в них её бесценные прославлять
 Но всем, на общий лад настроив громкую лиру
 Во все концы земли велел воспеть, Глафиру!
 Когда бы как Лукулл, Антоний и Помпей,
 Я роскошью своей возмог дивить людей, -
 Тогда бы серебра и злата тяжки груды
 Сапфиры, жемчуги, кораллы, изумруды,
 И, словом, всех сторон сокровища собрав,
 На каждой жизни миг дарил ей тьму забав:
 Там в сад бы обратил расселины ужасны,
 Пустил бы здесь из гор воды потоки ясны!
 Или когда б я был так силою богат,
 Как силен был Милон в Кротоне, говорят, —
 Тогда бы, одолев и камни и ограды,
 Виновников её малейшие досады,
 Как кукол из земли, коверкал и ломал,
 И махом лишь одним во ад их посылал!
 В таком восторге чувств, едва ли вероятном,
 Но сердцу моему то совести приятном,
 Еще я мыслил так: о если б Царь я был! —
 Вельмож бы в мой совет всегда при ней водил,
 И подданных моих ни мало б не стыдился,
 Что прелестям её мой разум покорился!
 А если б Небеса хотели наконец,
 Чтоб в рубище гнилом я в поле пас овец, —
 В простой тогда рожок наладив песню слезну,
 И там бы не забыл Глафиру мне любезну!
 Но будучи, что я, почти для света мертв;
 Какую принести могу из тех ей жертв
 Которые в уме теперь воображаю?
 Сказать: люблю тебя! Вот только что я знаю.
 Люблю приятно там, из уст бесценно тех,
 Которых мы любить находим край утех;
 Но тот, кто в нас вселил холодное почтенье,
 В устах того люблю — есть нам отягощенье. —
 Покамест сам с собой, беседовал я так,
 Заря грядущего дня, развеяв ночи мрак,
 С небесной тверди скрыв сияющие светила,

Готова солнцу вход, луны фонарь гасила,
Мелькающий огонь в камине исчезал,
Рабочий мой народ во всех избах вставал,
Последнего из них ревнуя низкой доле,
Хотел бы лучше быть в его тогда неволе,
Но сжалился со мной владыка сна, Морфей,
Уж легкий сон летал вокруг моих очей.
Дремотой тонкой я лишь только усладился,
Как вдруг перед меня мой Гений появился;
Подвиглась от него вся храмина моя,
Ни неба, ни земли тогда не видел я.
Он страшен был, свиреп, бросая быстрые взоры
Казалось, он окликал страшилищ всех соборы;
И все, чем может быть испуган человек,
Он в действие приведя, громовым гласом рек:
О буйный сын сует! ты все любовью таешь!
Иль так мои тебе советы уважаешь?
Спокойство потеряв, златы дни губишь,
Какими от любви себя плодами льстишь?
Её различных мук иль жертвой был ты мало?
Какое зло тебя, несчастный, миновало?
Каких не испытал, вещай мне наконец,
Лютейших в свет кар чувствительных сердец?
Когда мне жизнь твою хранить велели Боги,
Предвидев уж тогда твои судьбины строги,
Колючий терн на путь любви я насадил
Нарочно с тем, чтоб ты к нему не подходил;
Но ты, презрев мои полезные угрозы,
Где кроются змеи, туда ходил рвал розы;
Когда бежал искать под тенью ты отрад,
Там тартар сжег тебя, не рай пленял прохлад.
К счастью, сколько раз пути презревши благи,
Ты падал лютых бед в крутейшие овраги!
В столь зрелые лета, о! сколь ты сердцем юн!
Но бойся на себя вооружить перун!
Не всуе от любви тебя я отвращаю;
Внемли, и помни век, что я теперь вещаю:
Коль хочешь в мире семь спокойствие вкусить,
Забудь, что сердце есть, и перестань любить. ...

При слов сем мое исчезло привидение,
При слов сем и сна скончалось услажденье.
Престать любить! вскричал – или я человек
На то, чтоб сам себя я мучил весь мой век?
Или на тот конец, о Боги! я родился,

Чтоб как дикой зверь в пещерах хоронился;
Чтоб, сердцу находя любезнейший предмет,
Биению его нечувственный был? – Нет! нет!
На что мне жизни сей бесплодно продолженье,
Коль должен я любви отвергнуть обольщенье?
На что мне слава, честь, чрез кои наш живот
Есть образ адских мук и основа злых забот?
На что богатство мне? к чему сама порфира,
Когда от глаз моих отнимется Глафира?...
О, нет! когда бы мне и гроб в любви найти, –
Любовь есть рай души... я буду век любить!

На шутку моей жены

Так, согласен я с тобою,
Моя милая жена!
Что любовь я певши, вою,
С праздной мысль твоя сходна.
Что же делать, – не умею
Нежным голосом тронуть;
Рад бы очень, да не смею
К соловьям я подтянуть.

Если б мог я так прекрасно,
Как соловушки, свистать,
Стал бы я тогда всечасно
Тебя песнями забавлять;
С нежным чувства изъясненьем
Я б веселость соединил,
Я бы новым легким пеньем
Слух твой тонкий усладил.

Все б предметы оживились
От напева моего,
Грусть и скука бы сокрылись
От чертога твоего;
И тогда, любви в нем сладость
Ты почувствовав сильней,
Находить бы стала радость
В простой песенке моей.

Но я петь не обучился
Благоденствия любви;
Голос мой всегда дичился,

Ее чувствуя в крови:
От того-то я и вою,
Когда петь любовь начну;
Знать мне голос дан судьбою
На кручину лишь одну

Мало ль кто, настроя лиру,
Всех красот к себе манит;
Звук раздастся по эфиру,
Прямо в сердце он летит:
А я вечно без успеха!
Лишь запел, то досадил;
Так уж мне тут не до смеха, –
Дудку оземь – и завыл. –

Я любви уж не слуга...

Я любви уж не слуга,
С ней хочу на век проститься;
До меня была строга,
Нечем вовсе похвалиться.
Перестану я любить,
Найду путь иной к покою:
С рюмкой веселее жить,
Чем с коварной красотою.

С нею будь всегда готов
Горько плакать и терзаться;
А с вином я без чинов
Буду всякой день смеяться.
Перестану я любить,
Найду путь иной к покою:
С рюмкой веселее жить,
Чем с коварной красотою.

В любви всякий часа беда
И всего остерегайся;
А в вине к ней нет следа,
Только чаще напивайся.
Перестану я любить,
Найду путь иной к покою:
С рюмкой веселее жить,
Чем с коварной красотою.

***

Все мне будет по нутру,
Как с бутылкой подружился,
Буду пьян и по утрам,
Буду пьянь и спать ложиться.
Перестану я любить,
Найду путь иной к покою:
С рюмкой веселее жить,
Чем с коварной красотою.

Если грусть придет ко мне,
Иль о чем вздыхать я буду,
Погрузив тоску в вине,
Самого себя забуду.
Перестану я любить,
Найду путь иной к покою:
С рюмкой веселее жить,
Чем с коварной красотою.

Городским смеюсь молвам, —
К счастью ближних все ревнуют;
Был бы рад и весел сам,
Что хотят пускай толкуют.
Перестану я любить,
Найду путь иной к покою:
С рюмкой веселее жить,
Чем с коварной красотою.

Пускай пьяницей зовут
И в беседы не пускают;
Те ведь долгий век живут,
Кои женщин убегают.
Перестану я любить,
Найду путь иной к покою:
С рюмкой веселее жить,
Чем с коварной красотою.

У него паж пара глаз;
Но когда он нагрузится,
Что ты видишь в один раз,
То в глазах его троится.
Перестану я любить,
Найду путь иной к покою:
С рюмкой веселее жить,
Чем с коварной красотою.

Лишь бы мне судьба дала,
Чем быть пьяным повсечасно,
И вся жизнь моя так шла,
Чтоб в любви не нить напрасно, -
Женский пол прости, прощай;
Мне с тобой уж не встречаться;
Всех забав для меня край:
Пить и в век не просыпаться.

Сонюшке

Видал я Сонюшку в наряде,
Когда в карете золотой
Катит в обширном нашем граде
На званой бал пленять собой.

*

Видал ее и в амазоне
Одну, без чванства и без слуг,
На борзом ей подвластном коне
Летящую в поле во весь дух.

*

Видал с большими господами;
Там, всех на свой настроив лад,
Вертит как чуркой их умами,
И всякий метит ей впопад.

*

В кругу людей простых, незнатных,
Нередко также я видал,
Как много там минут приятных
Последний с ней бедняк вкушал.

*

Всегда равна, всегда пригожа,
В каком бы духе ни была;
О ней повсюду слышу то же:
Куда, как Сонюшка мила!

*

О вы, правители вселенной,
Цари, подобные Богам!
Сложите дома вид надменной,
Падайте все к её ногам!

*

Несите в жертву ей вседневно
Ваш трон – алтарь земных сует!

Смягчите сердце слишком гневно!
Что вам за прибыль от побед?

*

На что под власть свою стараться
Восток с Полуднем соединить?
Чтоб вечно в радости смеяться,
Довольно с Сонюшкою жить.

Любовь

Без сердца жить тоска смертельна,
А с сердцем жить беда, напасть!
Его желанье беспредельно;
Но редко можешь в цель попасть.
В любви безделицы боимся,
Чужие чувства стережем;
А без любви как прах вертимся,
Нигде покоя не найдём.

*

С любовью ревность и досада
Печалью мысли облекут,
И где мечтается отрада,
Там нас одни печали ждут;
Напротив, если равнодушно
Бывает сердце ко всему,
Ах! как тогда жить в мире скучно,
И пищи вовсе нет уму!

*

Любовь не редко обольщает
Пустою прелестью весь свет,
Во взглядах, в слове обещает
Блаженство, коего в них нет;
Но ею также и живется
Обширных мыслей наших круг,
И в самой средней ум вместится,
Что пылкий сплошь не схватит вдруг.

*

Когда бы смертным было можно
Средню точку отыскать,
И нежным чувствам осторожно
Умели волю мы давать, –
Тогда любовь (я в том согласен)
Была бы край земных утех,
И для спокойства безопасен
Сделался б её успех.

*

Но коль бесчисленны примеры,
Имеет юноша в глазах,
Что слабы все рассудка меры
К спасенью нашему в страстях!
В таком случае неизбежном
Движенья чувств предупреждай,
Дабы любовь в сердце нежном
Но полилась через край.

*

Совет хорош, – но кто умеет
Его на деле совершить?
Кто силу умственную имеет
Пожары сердца потушить?
На сей вопрос везде встречаю
Один ответ: не я! не я!
И это также твердо знаю,
Что не поклеплют и меня.

*

И так все наши заключенья
И многих опытов урок
Лишь множат только затруднения
От мук любви спасти свой рок,
И в них познать дают не ложно,
Что как мораль ни будь строга,
Противу сердца невозможно
Прожить на свете пол мига.

*

На мысли сей остановиться
Уничжительно весьма;
Но должно, должно согласиться,
Что сводит всех любовь с ума.
Какие хочешь ей законы
Пиши и вздумай человек;
Она разрушит все препоны,
И будешь царь его вовек.

Сколько раз, жестокий, клялся...

Сколько раз, жестокий, клялся
Лишь одну меня любить!
Сколько разум твой старался
Мне одной любезным быть!
Души нежной слабость видя,

Ты заставил дух пылать
В той, кто, всё возненавидя,
Тебе тщилаась угождать.

Но теперь ты презираешь,
Кого богом своим звал,
И другой всё то вещаешь,
Чем меня к любви склонял.
Иль на то тебе, неверный,
Над собой дала я власть,
Чтоб холодностью безмерной
Наградил мою ты страсть?

О, любовь, царица света!
Отомщай ты за меня!
Убегай того предмета,
Кому жертвой стала я.
Но покой напрасно льщуся
В его казни я найтить;
Лишь тем больше сокрушуся.
Нет! ему не в силах мстить.

Без затей, в простом обряде

Без затей, в простом обряде,
Дома с Ниной жить мне – рай;
С нею в поле иль во граде
Мне любезен всякий край.
С ней убожества не знаю;
Всё по мне и всё на нрав.
Нина тут – я не скучаю;
Нины нет – и нет забав!

Мы участие принимаем
С нею равное во всем;
В черный день не унываем,
В красный пляшем и поем.
Чужой доле не ревнуем,
И, природы чтя предел,
На богов не негодуем,
Что не знатен наш удел.

При заре вечерней, ясной,
Когда дум нет в голове,

С Ниной милой и прекрасной
Мы гуляем на траве.
Там с ней взапуски резвлюся;
Она бегают за мной,
Я за нею волочуся:
Ах! чем купишь час такой!

Деньги бедная награда
За свободу, за любовь;
Пышность – слабая отрада,
Когда в нас пылает кровь.
Пусть фортуны обольщенье
Весь морочит род людей;
Нина, ты мое прельщенье,
Ты краса судьбы моей!

Твоя скромность и приятство,
Речь, улыбка, страстный взор –
Вот одно мое богатство!
Всё другое в свете – вздор.
Кучей денег кто гордится,
Тот пускает пыль в глаза;
И сквозь золото катится
Часто горькая слеза.

К портрету Кн. Е. С. Д.

Евгения была изящность естества.
Семнадцать лет вкушал с ней райских дней блаженство;
В чертах её лица зрел мира совершенство;
В чертах её души – зрел благость Божества.

Красавице

Где мило – тут глаза; чему ж дивиться вам,
Что я смотрю на вас так долго не смигая.
Когда на красоту глядишь любовь прямая,
Тогда и год и век равняются часам.

На именины Кн. В. Ю. Д.

Княжна! чего бы мне в сей день вам пожелать?
Того же, что всегда всем сердцем вам желаю:

Чтоб счастье вы могли в той мере ощущать,
В какой я весь ваш дом люблю и почитаю.

Безымянной в альбоме

Княгиня! что мне вам здесь нового сказать
Вседневно, во всю жизнь одно скажу и то же,
Что я вас так люблю, что если б был моложе,
То чувства к вам мои я страстью б мог назвать.

Письмецо

Дай с тобой мне повидаться,
Милый друг души моей!
Чем мне в жизни утешаться
Как не ласкою твоей?
Я с тобой терпя разлуку,
Стал несчастлив без конца:
Не с кем грусть делить и скуку,
Молвить милого словца.

*

Не согласишься, как страдаю,
Что не вижу я тебя!
Все тоскую, все вздыхаю,
И бежал бы сам себя,
Только в жизни мне веселья,
Занимать тебя собой;
Впрочем, верь мне, – все безделье,
Дорог миг один с тобой!

*

Я вчера на балу встретил
Весь Московский знатный свет,
И в расстояньи приметил,
Что тебя тут нет, как нет!
Много видел лиц прекрасных;
Твоему всё не чета;
При твоих глазёнках ясных
Чья восхитит красота!

*

Как ни умничай кто в свете,
Невозможно не любить;
Что ни ставь в своём предмете,
Нет, нельзя без милой жить.

Без нее жизнь бремя злое,
Она день от дня томнее;
С милой – ах! совсем иное:
Солнце светит веселей.

ФИЛОСОФСКИЕ СТИХИ

Самому себе

Один, размыслив в кабинете,
Спросил отчёта у себя;
За что между всех женщин в свете
Одну лишь я люблю тебя?

В тебе что так мне полюбилось?
За что ты прочих всех милей?
Или ты для того родилась,
Чтоб был я жертвою твоей?

А ты, чтоб, быв одна бесстрашна,
Имела случай показать,
Что ты любовника несчастна
Способна мучить и терзать?

В тебе такое что-то вижу,
Чего в других совсем не зрю;
И что в иных я ненавижу,
В тебе тож самое люблю.

С другими часто в разговоре
Бываю весел и шутив;
С тобой при всяком твоём взоре
Я что-то робок и стыдлив.

Когда заочно представляю,
Твои приятности себе,
Я сердце сколь ни уверяю,
Что много равных есть тебе;

Мой ум их сотнями считает:
Но лишь тебя увижу –

Сравнение тотчас пропадает,
И ты милей всех для меня.

Что ж делать мне теперь осталось?
Коль сердце борется с умом,
Велеть, – чтоб сердце покорялось;
Хочу – да нет удачи в том.

И сил довольных не имею
Биение сердца утолить.
Я ими жив; я лишь умею
Тебя, как жизнь мою, любить!

Какое злое состоянье,
Из бед первейшая беда:
Терять любовное вздыханье,
Не зря взаимности следа.

Но знать судьбине так угодно,
Готова ад мне в жизни сей,
Чтоб чувство, всем нам столько сродно,
Души не трогало твоей;

Чтоб ты милей мне всех казалась,
Чтоб от тебя с ума сходил;
Чтоб ты от глаз моих скрывалась,
А я – чтоб всё тебя любил!

Пусть слава в жертву жизнь приносит...

Пусть слава в жертву жизнь приносит,
Кто сей мечтою заражён,
Пусть свет Героев перевозносит,
Делами их став изумлён;
А я блажен моей судьбою,
Хочу в ней радость находить;
Высоких замыслов не строю: –
Любил, люблю, хочу любить!

Скупец, сокровища собирая,
Весьма себя счастливым чтит,
Коль денег куча золотая
В карманах у него лежит;
А я и то всё, что имею,

Готов дражайшей посвятить
Когда б владел вселенной всею,
Готов и ту ей уступить.

Чего мы в свете ни желаем,
Все сущий вздор и суета!
Игрушки каждый день меняем,
А всё нам кажется не та.
Здесь всякий хочет самовластно
На свой манер счастливым быть;
Я им смеюсь, твердя всечасно:
Любил, люблю, хочу любить!

О время дорогое...

О время дорогое
И лет моих весна!
Как легкий сон теряю;
Тебя я навсегда.
Перестал уж мил казаться
Я нежным красотам;
Влюблять уж не умею,
А сам ещё влюблён.
Что может быть тяжелей
Судьбы на свете сей,
Когда взаимной страсти
Уже нельзя вкушать?
Тщеславием обольщаться –
Вот мой теперь удел!
Но сладостям любовным
Заминал что-нибудь?

Всё со временем проходит...

Всё со временем проходит;
Заблужденьям есть конец.
Тот во тьме свой век проводит,
Кто лишь славы чтит в конец.

Себе и сердцу изменяя,
Мечту лобзаем каждый час;
Но, ах! все вздор! Любовь прямая
Одна сильна счастливить нас.

Без любви нам вся вселенная
Степью кажется пустой;
Горы злата драгоценная
Без любви суть прах земной.
Любовь и скипетры украшает,
Любовь и бедность золотит;
Но без любви Монарх скучает,
Ни что в подсолнечной не льстит.

Дар любить дала Природа
Нам в замену наших бед;
Сия нежных чувств свобода
Выше Царских всех побед.
Когда я Нину обнимаю,
Когда ласкаюсь я к ней,
Тогда я все за вздор считаю,
Кроме голубушки моей.

Нину я люблю, как Бога;
Сердце страстно к ней моё;
В ней доброт я вижу много,
Паче всех люблю ее.
Глазам призраками меняя,
Кажусь я во всех влюблён;
Но, ах! все вздор, всё пыль пустая!
Одною Ниной я блажен!

Камин в Пензе

Камин, товарищ мой любезный!
Куда как я тебя люблю!
С тобою в сей юдоли слезной
Заботы все свои делю.
Когда природа умирает,
Когда нас осень запирает
В темницу скучных наших стен,
Тогда, как лист, и я желтею,
К огню прибежище имею,
Играю с ним, уединен.

Хотя без всякого убранства
Из камней грубых ты сложен,
Не монументом гордым чванства
В моем углу ты быть сужден;

Тебя не мрамор одевает,
Не стали луч в тебе сияет,
Не грань хрустальная блестит;
Приятство ломкого фарфора
Толпы невежд не тешит взора, —
Зато ты греешь, тот давит.

Как ночь войдет ко мне в окошко
И дня прогонит белый свет,
Внесут ко мне дровец лукошко:
В моем быту затеев нет;
Вельможам я не подражаю,
На кораблях не добываю
Ни знатных угольев, ни дул;
Дубовыми топлю дровами
Своими попросту руками,
И сам расклад, и сам раздул.

Пока еще не разгорится
Костер моих дешевых дров,
Мой взор с приятностью дивится,
Смотря на быстрый бег дымов,
Смотря, как искра искру тронет,
Как, иссыхая, влага стонет
И место пламени дает;
Огонь все поры распирает,
Дрова трещат, а он пылает,
И что ни встретит, мигом жжет.

Один впотьмах, нога на ножку,
Я в креслах нежусь у огня;
То сон вкушаю понемножку,
То мысль к мечтам зовет меня:
Высоки замки шпански строю,
Стада рабов зрю пред собою,
Готовых манию внимать;
Вселенну всю межую взглядом;
Царей даю смятенным градом,
Гоню морей пределы вспять.

Или, наскучивши войною,
С досад далеко бросив шлем,
Гонясь за новой суетою,
Спешу в мечтании моем

Судей, корыстью обольщенных,
Судейских чучел изумленных
Поганы гнезда разорить,
Злых ябед жало притупляя,
Злодейства капища сжигая,
Во храм свят правды обратить.

Или, намыкавшись по свету,
Наделав пропасть славных дел,
Опять к любезному предмету
Несу убогий свой удел:
Камин поленьями питаю,
Все думы в кучу созываю
И, грезы сонные прогнав,
Влекусь ко сладку размышленью,
Плету хвалы уединенью,
Мирских сует тщету познав.

«Чего ты хочешь, горделивый, –
Вещаю мысленно к себе, –
Ко счастью муж несправедливый?
Чего недостает тебе?
Ты хлеб свой с прихотью съедаешь,
Жену прекрасную лобзаешь,
Детей любезных тормошишь;
Ты млад и незнаком с недугом;
От стужи печь к твоим услугам,
И в неге, сколько хочешь, спишь.

Ты все молишь провиденье,
Чтобы, как Крѣз, ты был богат;
Сребро и злато – обольщенье:
Бедняк покойнее стократ.
Кто мер желаниям не ставит,
Тот, сколько золота ни сплавит,
Всё будет беден перед тем,
Кто, по прибаске русской, ножки
Тянуть умеет по одежке
И медный грош ценит рублем.

Напрасно и о том скучаешь,
Что не живёшь в ином краю;
Неужли ты воображаешь,
Что Лондон и Париж в раю?
Ах, нет! во все года и веки

Везде те ж были человеки.
Бог миру дал всё пополам;
Нигде нет ясного блаженства,
Нигде нет благ всех совершенства;
Есть смеху час, есть час слезам».

Так думу думал и, вздыхая,
Воображал наш краткий век;
С собой беседу продолжая,
«Не прах ли, – мнил я, – человек?
Постигнет и его кончина
Так точно, как среди камина
Теперь огонь щепы палит.
Вчера сей дуб был знатен, славен,
В лесу ни с чем он не был равен;
Сегодня – срублен, и горит.

Колико мы ни нарохтимся
Один другого выше стать,
Напрасно, право, суетимся;
Хоть титло в лист, а умирать!
Рожденья миг есть шаг к могиле.
Нельзя противиться нам силе
Законов вечных естества;
Конца достигнет вся вселенна,
И скот, и тварь одушевленна
В свой час лишатся существа».

И так-то бредя в кабинете
Меж многих мертвых мудрецов,
Я прогонял на белом свете
Тоску осенних вечеров;
То рубль один миллионом множил,
То всю Сибирь на фраках прожил,
То пир Лукуллиев давал;
Иль философии стезёю,
Простясь с гостившею душою,
Червей в могиле ожидал.

Камин! к тебе я обращаюсь!
Ты в скуке мне великий друг!
Коль в мрачну думу углубляюсь,
Ты всю её разгонишь вдруг;
Ума и сердца заблужденья,
Страстей жестокие волненья

На память тотчас мне явишь;
Чего напомнить не умеешь!
Со всяким вздором вмиг поспеешь,
Чело улыбкою даришь.

Какое множество ласкательств
Тебе я в жертву приносил!
Любовных клятв и отрицательств
Тебе стопами я дарил;
Нередко шитые жилеты,
Колечки, перстни, силуэты
С лучиной вместе зажигал,
Огонь физический с моральным,
В угоду случаям печальным,
Со всякой скромностью венчал.

О сердца сладкие обманы!
Что может с вами быть равно?
Не вы спокойствия тираны;
Вам царство радостей дано.
Стократ благословенны годы,
В которы красоты природы
Влюбляют снова каждый день!
Всё в мире лживо нас пленяет.
Где ж правда? – В небе обитает;
Внизу её лишь только тень.

Учитесь, смертные! Учитесь
Во всём средину познавать,
И, буи, мира умудритесь!
Чего бог не дал, где же взять?
Кто свет таким, как есть он, создал,
Кто всем из нас свой жребий роздал,
Пред тем винися всяка тварь.
Во всём на власть его надеюсь,
А между тем сижу и греюсь;
Камин мой двор, при нём я царь.

Я вижу часто, как рождается
От искры пламенной пожар;
Не так ли царств судьба вертится?
Горит война от мелких свар.
Но там камины зло калятся,
И сплошь дрова так разгорятся,
Что не зальет морской кувшин;

А здесь воды, чуть жарко станет,
Графина одного достанет:
Спросил да влил – погас камин.

Авось

Хочу стихи писать от скуки,
От скуки, точно для себя, –
Беру перо теперь я в руки,
О ближний мой! не для тебя.
Да что писать? Ей-ей, не знаю!
Предметов много я встречаю,
Но было писано про всё;
За мысль чужую ухватиться,
По мне, так это не годится:
Нет! – лучше выдумать своё.

Любовь! тебя во всех возможных
Наречиях стихотворят;
Богов и истинных, и ложных
Давно уж рифмами дарят;
Давно псалтирь в них наряжали,
Царям как пар их поддавали;
Что знатный пан, то акростих!
Безделки, реченьки, камины,
Измену Лизы, верность Нины
И Фёклу кто-то впрятал в стих.

С чего ж начать свою мне оду,
Покамест жар мой не простыл,
Чтобы попасться ею в моду,
Чтоб все кричали: как он мил!
С чего? – Или кто мил безмерно,
На вкусы всех тот трафил верно?
Нет, также, чаю, на авось.
Авось! – что лучше сей обновки?
Твои я стану петь уловки;
Как, браво, кстати ты пришлось!

О слово милое, простое!
Тебя в стихах я восхваляю!
Словцо ты русское прямое,
Тебя всем сердцем я люблю!
Без важных вычур, но прекрасно!

Ты кратко всякому и ясно
Свой вес почувствовать даёшь.
Куда с копытом конь помчится,
Туда же рак ползком тащится;
Обоих в путь один ведёшь.

Исчислить всех чудес не можно,
Какие строишь ты, авось!
Скажу – и это, чай, не ложно –
Что без тебя весь ум хоть брось.
Трудись, потей, слагая темы,
Исчерпай естества системы, –
И всё ты с места никуда;
А тот, кто за авось возьмётся,
Ни думав, ни гадав, плетётся,
И промах редко даст когда.

Со мной не хочешь ли поспорить,
Высокомудрый философ?
Напрасно станешь ум задорить;
На правду-матку мало слов.
Пожалуй, разводи бобами,
Слыхал я их семи веками,
Красны они лишь на письме;
А как на деле пешку сдвинуть,
К царю свою ладью придвинуть,
Так тут у всех авось в уме.

На свете мыкался я много,
Ходил, езжал и так и сяк;
Пойдёшь авось – везде отлого,
Пойдёшь с умом – всё буерак.
Удача, матушка ты наша!
Земля такая ныне каша,
Что без тебя всё наплевать.
Наперекор рассудку смело
Ломай, коверкай всяко дело;
Коль тут авось, всё тишь да гладь.

Не ныне, ах! во всяко время
Удача – бог была земной!
Прочтите древних книг беремь,
Давно сей сякнет ключ дрянной.
Взгляните вы на римлян, греков,
На белых, чёрных человеков, –

Откуда что у них взялось?
Что был бы Ромул, витязь бравый,
Сей римлян царь превеличавый,
Что был бы, если б не авось?

Коснусь ли здесь я для примера
Вина не пьющих мусульман?
Взгляните там на изувера,
Алтарь низвергша христиан.
Что Магомет богохулитель,
Востока вредный обольститель?
Что Александр, весь свет пленя?
Что б были знатные герои,
Богатырей водящи строи?
Что без авось? Точь-в-точь, что я!

Колико нежных сибаритов,
Блестящих золотом и серебром,
Дающих дань толпе пиитов,
Чтоб зла их тонкость звать добром?
Когда бедняк пот крови точит,
Слезами каждый грош промочит,
По лестнице тот благ летит:
«Авось взойду!» – себе вещает,
И, где не сеял, пожинает,
Что восхотел, то и творит.

А сколько тех сирен прекрасных,
Что знать бы век не довелось,
Когда бы в помыслах их страстных
Не поселилось авось?
Но в рост пустив свои приятства,
Снискали славу, честь, богатства,
Пошевелился как-то в час.
Когда иная шить устанет,
Ценой камзола хлеб достанет
И съест, не осушая глаз.

Авось всему и всем подпора,
С ним любо и за карты сесть;
Не глядя в них, кричи знай скоро:
«Бостон!» – открыл – он тут и есть.
В беседе миленькой девчонке,
Влюбился ль кто в её глазёнки,
Скажи «люблю», скажи, не бойся;

И верь, что нежно то словечко
Пройдёт насквозь её сердечко.
В любви премудрость вся – авось.

Вещайте, мудрецы! вещайте,
Деля на классы школьный бред!
Птенцам его преподавайте;
А тот смеётся вам, кто сед.
Вы то, а свет твердит иное,
Хотя и мнится, что пустое,
Да вить его не стать учить;
Не к нам обычай применится,
А нам с ним надо согласиться:
С волками надо волчьи выть.

В глазах у матушки играя,
Ребёнок иногда шалит,
По мере лет обман слагая,
Авось она не разглядит;
Растёт – тогда шалит важнее,
Всё с тою целью, хоть скромнее,
Что с рук авось-либо сойдёт;
Мужает с тою же повадкой,
Питаясь надеждой сладкой,
Что он-то всех и проведёт.

Сожитель жёнку уверяет,
Что он чужих не терпит жён;
Супруга мужа лобызает,
Твердя, что боле всех мил он;
Скупой свою шкатулу прячет;
Бродяга весь свой век маячит;
Приказный крадет что есть сил;
А всякий сам в себе смекает:
Авось никто-де не узнает,
Что я проказу сгородил.

Старик, одной ногою в гробе,
Мечтает год прожить еще;
Он, чая жизни новой в небе,
Здесь любит суеты вотще;
По склонности своей природной,
В часок, от немощи свободный,
Карабкается мыслью вверх:
Авось, дескать, я знатен буду,

И денег наживу я груду!
Меня чем лучше сей изверг?

За что зовём того злодеем,
Кто мастер счастье добывать,
Кто случаем, как дети змеем
По ветру, смыслит управлять?
Чужое благо нас тревожит;
Но разве всяк из нас не может
Одною с ним стезёй идти?
Его авось вить удаётся;
Поди за ним, коль не споткнётся
Твоя нога на сем пути.

Авось велико, право, дело!
Он всех затеев наших руль;
Лови успех, чтоб всё кипело,
Коль в мире быть не хочешь нуль;
У всех такие ныне мысли.
По мне, меня чем хочешь числи,
Лишь был бы я здоров и сыт;
Затем ни в шахи не желаю,
И предков слов не забываю:
Закон мой – правда, бог – мой щит!

И так тебе хвалу воздавши,
Словцо языка моего!
Твои доброты описавши,
Прошу вниманья твоего!
В отечестве моём преславном,
Ни с чьим в подсолнечной не равном,
Останься друг мне навсегда!
А если я подчас рехнуся,
К тебе под крылья подобьюся,
Не посрами меня тогда!

И точно так, коль друг по моде,
Чтоб дружбу сильно мне явить,
От важных дел своих в свободе
Задумает мне яму рыть;
Но, средств на то честных не зная,
А на тебя лишь уповая,
Коль станет гнуть меня в дугу,
Ты с ним, пожалуй, не якшайся;

В овраг спихнуть его старайся,
Вступаясь за верного слугу!

О, час досуга вожделенна!
Прошёл, и в вечность канул ты;
С ним вместе духа восхищенна
Исчезли пылкие мечты!
Но плод сей не забвен пребудет,
В бюро моём храниться будет,
Доколе жить мне довелось!
Созрей ты там возле Камина!
Его устроена судьбина;
Но ты сравнишься ль с ним?.. Авось!

Спасибо 1799 году

Шумит поток времен и бездна лет играет,
Осьмнадцатьи веков Сатурн конец свершает;
Уж первого числа последня Января
Коснулась, наших вежд студеная заря,
Московским красотам в приятных грезах снится,
Что счастье, чем свет в боскеты к ним свалится.
Сомнения в том нет, уже задаток взят;
Сего дни им дают театр и маскарад.
А я при встрече сей годичные денницы
Мечтаниям моим, определяя границы,
Творца благодарю, благодарю сто раз
За то, что новый год дошел еще до нас;
Что старый провели спокойно и здорово,
Прогнавши то, что в нём казалось нам сурово.
Но если он умчал и скуку и печаль,
То сколько ж таких минут, которых жаль!
По свойству моему вперед не устремляться,
О прошлом сожалеть, а сущным наслаждаться,
Пожду, пожду еще я новой год хвалить;
Посмотрим, как его удастся нам прожить.
Пускай на громкий лад во всех языках мира
Поэтов в сегодняшней день настроенная лира.
Гремит, пленяясь его лишь новостью одной,
Что он-то к нам несёт Астреин век златой;
Что в каждом его дне к нам благ река польется;
Что мир весь без меча и крови уживется;
Без дара Судия невинность защитит,
Пристрастие уймет, злодейство сокрушит;

Что будут люди тем, чем вечно не бывали –
Без желчи и страстей, живот их без печали;
И, словом, пусть сулят, что восьмисотый год
В агнцев превратит лукавый смертных род:
    А я тебе пою, о время дорогое!
Прими, прошедший год, хваление простое!
Хоть мрачен для меня на первых был порах;
Но сколь вознаградила в последующих днях!
    Ни быстрый год богов, ни сами человеки
    Из памяти моей не истребят вовеки
Тех чувств, в которых дал ты сердцу испытать,
    Что жизнь могу и я во что-нибудь считать.
Исчисляя все твои кратчайшие мгновения
С веселыми сложив печальные приключения,
    Когда я им итог сравнительный подвёл, –
    О! сколь счастливым я тогда себя нашел!
Чего, в единстве мне взятому во вселенной,
    Осталось захотеть для доли совершенной?
В семействе жил весь год спокоен, без докук,
    С женою не терпел мучительных разлук;
Друзья мои со мной вседневно обращались;
Я ими, они мной всем сердцем занимались,
    Любя стихи писать, с Глафирой их читал;
    Из глаз её хвалы бесценно воспринимал;
    Восторгами любви питаюсь несказанно,
    С её душой моя свыклась беспрестанно.
Сокровищ не имел в хранилищах моих;
Но роскошь не любя, что было бы мне в них?
Богат быть может всяк; доволен – кто умеет,
    Кто прихоть различить от нужды разумеет,
    Злодеев не имел, или не испытал;
    Болезненных мне ран никто не налагал.
Горой крутой не шел в храм славы превысокой;
Тем лучше, – не боюсь свалиться в ров глубокий
    И гордости во мзду разбиться как стекло.
Тщеславие меня к бедам не увлекло,
Безвредной другим свободой наслаждался:
Играл своим пером, а в праздники катался;
В прекрасные лета дни все способы имел
Быть там, и столько раз, и сколько где хотел.
И так, коль то, что мы имеем в предмет
Под словом счастья здесь, коль вправду есть то в свет,
    Признательно скажу, что для меня оно
    В истёкший было год нарочно создано.
Ах! дорого бы дал, чтоб он назад вернулся

И вместо бы со мной на свет протянулся!
Но что ж бы и тебе сказать мне не польстя,
Новорожденное Сатурна дитя,
Дабы против меня месть горькую обращая,
Наверх главы моей беде кучу созывая,
Не гнул бы и меня, и тех, кого люблю,
За то, что твоего предместника хвалю?
Коль счастье ты мое продлить еще способен,
Пожалуйста, во всём будь прошлому подобен!

В последнем вкусе человек

Люблю приятельску беседу,
Где нет насмешки никакой,
Где можно за столом соседу
Сказать словца два-три за свой;
Люблю я там играть, резвиться,
Где принят просто, без чинов,
Где не боюсь тем провиниться,
Что на bon mot я не готов.

Бывало, дед почтенный в роде,
Когда семейный пир дает,
По чувствам сердца, не по моде,
Своих гостей к себе зовет,
Трапезу ставит не богату,
Вином заморским не поит,
Не штофом убирает хату,
А всякий весел там и сыт.

Там нет вестей, переговоров,
Надутый барин не шипит;
Не сеют сплетницы раздоров,
Богач над бедным не трунит.
Прошли те годы, как любили
Таким манером в свете жить;
То дни золотого века были,
Каких нам снова не нажать.

Тогда супруг жене был верен,
Сестру любил всем сердцем брат,
Родитель в детях был уверен,
И ближний ближнему был рад;
Но столь похвальные примеры

Не попадаются уж нам:
Другой все люди стали веры,
Себе всяк ныне строит храм.

Мы ближних и друзей не знаем;
Куда ни сунься – все один;
Взаимны связи презираем, –
Корысть нам бог и господин.
Где есть хоть малые выгоды,
Умеем тотчас их смекнуть;
Для них чрез пропасти и воды
Безделка нам перешагнуть.

В большой, великолепной зале
Посмотришь нынче – тьма людей!
Все пляшут до пота на бале,
А скука ждет всех у дверей.
Приятель друга обнимает,
Его нимало не любя;
Тот той же лаской отвечает,
И шепчет: «Черт бы взял тебя!»

Видал я часто обращенье
Обоих полов меж собой;
Их вальс приводит в восхищенье,
Мазурка – рай для них земной;
Повсюду слышится всечасно:
Ах, как мила! ах, распремил!
Все в ней божественно, прекрасно!
Гудки с двора – и жар простыл.

Мужчин ли где кружок сойдется,
Там беспорядок и содом;
Бостоном день у них начнется,
А вечер кончится вином.
Потом расценка за глазами
Пойдет порядочная всем;
В злословьи хвастают умами,
Никто не дорожит никем.

Вот так-то жить мы научились!
О предки! если б вы сюда
Хоть на минуту к нам явились,
Едва поверили б тогда,
Что ложь, обман и лицемерство

Умов отличных ныне знак;
Что честь слывет за суеверство;
Что кто не льстит, тот и дурак.

В замену древня благородства
Взгляните вы на нашу спесь,
Взгляните, чада патриотства,
Колико эгоистов здесь!
Сие угрюмое созданье –
Лукавства смертных горький плод;
За нашу хитрость в воздаянье
Возник на свете сей урод.

Ликуй, холодный себялюбец!
Твой праздник и пора теперь;
Лежи в диване, сластолюбец,
Один, как в дебри дикий зверь!
Тебя никто, никто не любит,
Хотя ты знатен и велик;
Твои дела не слава трубит,
Но купленный бродяг язык.

Когда железный прут судьбины,
Который школит смертных всех,
Пробьет на лбу твоём морщины,
Тогда болезнь уймет твой смех;
Вздохнешь, ума забыв игрушки,
Никто не повторит твой вздох;
Обняв парчовые подушки,
Тошней меня ты скажешь: «Ох!!..»

Тошней, чем я, который в свете
Тропинкой узенькой бреду,
Имея малое в предмете,
Тихонько жизнь свою веду.
Жена мне друг, она мне рада;
Детей у нас полна изба;
Вот в мире сем небес награда!
Красна простых сердец судьба!

О друг мой, мать и вождь природа!
Твои дары милей всего!
Здоровье, пища и свобода, –
Не надо больше ничего.
Пускай в златую колесницу

Другой садится, а не я;
Пушкой крестьянин в поясницу
Не гнется, встретивши меня:

Мои не трогаются чувства,
Когда я Крезов светских зрю;
Стяжать мне не дано искусства,
За то творца благодарю!
А если б дал богатства много,
Когда б возвысил он мой рог, –
Сошед убожества с порога,
Я б, может быть, забыл, где бог.

Итак, ты думай как угодно,
В последнем вкусе человек!
Но мне с тобой никак не сходно
Своим на твой меняться век.
Я буду жить, как жил доселе,
Твоя пусть жизнь идет, как шла;
Когда ж не будет духа в теле,
Тогда увидим – чья взяла!..

Где лучше, как дома

Тужить о прошлом – бесполезно,
Мечтать о будущем – обман;
Коль настоящее любезно,
К чему искать заморских стран?
От чувств своих мы не укачем
Ни морем, ни сухим путём;
Везде от мрачных дум заплачем,
В веселом духе рай найдем, –

*

Повсюду горьки воспоминанья
В повозке с нами полетят;
Повсюду новые желанья
Климаты новые родят;
По виду внешнему предмета
И вкус привыкнув менять,
Вокруг всего объездим света,
А совершенства не сыскать. –

*

Из края в край переселяться,
Чтоб грусть лечить, пустой расчёт;

С печалью стоит лишь спознаться,
Она замучит как деспот.
Ее не грунт земли рождает,
Не воздух греет, иль студит;
Душа сама в себе питает,
Воображение растит.

*

Ошибка в том, что мы мечтаем
И жить всё в будущем хотим.
Сего дни день прошел – скучаем,
Пришел и завтрашний – грустим.
Химера первый враг спокойства;
С начала мира до конца
Везде все те же неустройства,
Умы смущают и сердца!

*

Людей лихих не переможет, –
А в свете где их не найдёшь
Скорей слона в хомут заложишь
Чем злоязычника уймешь. –
Не вне, но в нас руда веселья;
Умей её лишь очищать
Ищи забавы, утешенья –
И будешь чаще хохотать.

*

И так, о чём же мне крушиться,
Минуты вздохами считать?
Хочу теперь же веселиться,
Вперед пустого не гадать. –
Мой час летит – моя и воля,
А чей за ним, – вестим лишь Бог.
Когда меня не жмёт неволя,
Тогда везде я Гог и Магог!

*

Одежда есть, хлеб– соль готова,
Вина бутылку Негри дал,
В этом не вижу сердца злова,
И крышу вихорь на сорвал;
Гроза ль придет – окно закрою,
Сквозного ветра не пушу,
И гром услышав над собою,
Как робкий зверь не трепещу.

*

Кто сей системой век свой прожил,
Тот меньше всякого тужил,

Догадкой бед своих не множил,
Забавы всякой день прожил,
В летописях не добивался
Наполнить целый лист собой,
И в землю, туж когда скончался,
Под Царский прах, присыпал свой.

Зачем мы в жизни суетимся

Зачем мы в жизни суетимся
По чести, трудно отгадать;
Едва минутой насладимся,
Как должны целый день страдать. –
В мечтах все кажется бездонно,
На деле – видишь все обман,
Позвольте молвить откровенно:
Счастлив лишь тот, кто сыт и пьян!

*

Природа всё вознаграждает, –
Она роскошна и щедра,
И в самой старости являет
Лучи блистательна утра;
Страстями сердце увлеченно,
В восторгах ловит все обман.
Позвольте молвить откровенно:
Счастлив лишь тот, кто сыт и пьян!

*

Иному разум помутила
Огромной славы суета;
Другому душу истомила
Суровым взглядом красота;
Где чаем благо совершенно,
Там вид его берет обман;
Позвольте молвить откровенно:
Счастлив лишь тот, кто сыт и пьян!

*

Оставим сильным всё на свете,
И от лихих уйдём людей! –
Поставим мы себе в предмете
Простое счастье, без затей;
Оно дано нам непременно –
И я пою, налив стакан:
Позвольте молвить откровенно:
Счастлив лишь тот, кто сыт и пьян!

Печаль, души моей подруга!

Печаль, души моей подруга!
Питай её всегда собой;
Кажись везде тень мила друга
В живых чертах передо мной!
Кажись того, кого любила,
Как любят ясные небеса,
Во ком чувства все животворила
Души и разума краса!
С тех пор, как нет его, всечасно
В местах, где я живу одна,
Замучил трепет сердце страстно
И язва лютая дана.
В собраниях общих я не вижу
Малейшей радости своей,
Забавы мира ненавижу,
В пустыне кроюсь от людей.
В жилище мрачном раздаётся
Повсюду вздох унылый мой,
С утра до поздней ночи льётся
Слева горячая рекой.
И сон тоски не уменьшает,
Забывать того мне не даёт,
Кто весь мой разум наполняет
И каждую каплю крови жжет.
Печаль мне спутница в дороге,
Везде её зрю чёрный след;
Меня венчали с нею Боги
В ужасном храме лютых бед.
Она и в гробу меня проводит,
Разделить мрак его со мной;
Несчастный счастье находит
Под крышкой только гробовой.

Эпитафия Н. В. К.

Не в час меня любовь к отечеству взманила!
Милиция, как пить дала – угомонила.
Вот то-то, если б я не так-то прыток был,
Я б, может быть, ещё теперь вино курил.

Часы

Купил часы я золотые;
Но видно дурен склад:
То целый день стоят,
То сутки выдут вдруг такие,
Что чуть лишь заведут,
Тотчас и побегут.
Когда я смущен и скучаю,
Коль оченьки слезят, –
Часы мои стоят
Когда ж восторги ощущаю
И страсти к сердцу льнут,
Часы мои бегут...
Бессонница меня замучит,
Вотще жду дня отрад, –
Часы мои стоят;
Но случай ли когда залучит
Туда, где пир дают, –
Часы мои бегут.
Когда делами занимаюсь,
Судьбы заботы длят, –
Часы мои стоят;
А мало мальски разыграюсь,
Не взвижу время тут,
Часы мои бегут.
С Надиной милою в народ,
Когда в неволе взгляд, –
Часы мои стоят;
Но с ней без людства, на свободе,
Лишь вздохи грудь сожмут,
Часы мои бегут.
В разлуке тяжкой с ней бывал,
Для вещей мне досад –
Часы мои стоят;
А в кой-то век её встречая,
День кончен в пять минут, –
Часы мои бегут.
Отнёс часы к Ферье обратно,
Возьми, сказал, назад,
Как нужен ход – стоят,
Хотя заводят аккуратно;
А как не надо – тут
Узнать нельзя – бегут. –
Сработай так, чтоб пробежала

Стрела круг годовой,
И на минуте той
Остановясь, всю жизнь стояла,
В которую молвлю я:
Надиночка моя.

Я живу и веселюсь...

Я живу и веселюсь,
Нет печали у меня
Из мирских сует не боюсь,
И не стражду люблю.
Если что когда блажное
В ум и в сердце мне взбредет,
Тужить – видеть лишь пустое;
Лягу спать, и всё пройдет.
Пусть старается, кто хочет,
Себя вздором веселить;
Кто другой пускай хлопочет
Шпански башни городить
Мало ль что высокомерье
С мысли суеты несет;
У меня свое поверье:
Лягу спать, и все пройдёт.
Все мы созданы Природой,
Чтоб чего-нибудь желать;
Кто гудком, кто карт колодой
Ищет время убивать.
Если разум меня смучит,
И сердечушко зажмет,
Нрав мой скуке докучит
Лягу спать, и всё пройдет...

Материалисту

Бог дал мне плоть – и я искал
В ней разум угостить и душу;
Пил много, много пил и спал,
И в землю возвращаю тушу.

Барону
А...С...С...

Желал бы вечно жить,
В восторгах нежной страсти,
Желал бы позабыть,
Что в свете есть напасти,
И в полдень и в полночь
В прекрасный пол влюбляться,
Гнать все заботы прочь,
С одним весельем знаясь.

Желал бы, чтоб друзья
Мои меня любили
Так пылко, как и я,
И все о мною жили;
Что в мыслях есть у них,
Чтоб мог я тотчас сведать,
И тайных чувств моих
Без страха им поведать.

Желал бы наконец,
Любя вас, как роднова,
Чтоб всех миров Творец
Чудесным перстом снова
Коснулся ваших глаз;
Чтоб ими вы читали,
И в гости к нам подчас
Пешком бы загуляли.

Чего ж ещё желать
Я в мыслях не встречаю,
И счастья созидать
Иначе я не знаю.
Жить, ближнего любя,
Есть благо превосходно;
Но жить лишь для себя
Одним зверям природно.

Мой театр

Пускай всё строится на свете,
Как рок упрямый приказал,
Лишь только жить мне в кабинете

Никто на вкус мой не мешал.
С утра до вечера я в руки
Газет, ни книги не беру,
И день деньской с детьми от скуки
Твержу мимическу игру.

Тариф меня не беспокоит,
В скуке я толку не знавал;
Иной без сахару все поит,
Я чай и с патокой пивал.
В кармане рубль коль залежится
Поставлю в миг его ребром;
Моя забава – суетиться,
Мой рай – людьми набитый дом.

Мне нужды нет, где мир, где драка,
Куда полки бегут солдат,
Который барин скушал рака,
Какому дан вельможе мать;
В моём углу храня свободы
Благонамеренный закон,
Ленюсь, и рад, что воеводы
Уже не грезится мне сон.

В сарае шесть кулис поставил,
Широкой завес распустил
Огарки все домашние сплавил,
Во тьме свет площадок сотворил; –
И тут в обмане восхищаюсь,
Воспоминая век златой,
В стихах и в прозе отличаюсь,
То Царь, то молод я мечтой!

Меня поносят, слышу, строго,
Зачем так тешу я себя;
Кричат: он видно нажил много,
И честь и совесть погубив!
Прошу покорно всех нахалов
Мой дом прийти ревизовать,
Моих завидных капиталов
Наличность мягкую осязать! –

Найдут дестей бумажных кучу,
Куда чернил потоки лью,
На коих лет уже тридцать мучу

Я руку правую мою. –
И сделав обыск самый верный,
Увидят ясно без очков,
Что мой недостаток беспримерный
Нарост на язык лжецов.

Молва страшит душеньки мелки;
Они боятся иногда
Затеет сущие безделки.
Ахти! что скажут? Ну, беда!
Без апробации собранья,
Не справясь в клоб, там и сям,
Он свободного дыханья
Не смеют дать своим ноздрям.

Но тот, кто в креслах и на стуле,
В палате царской и в избе
Имел всегда на карауле
Как стража совесть при себе,
Ума кто пуншем не туманил,
Чужого сердца не скоблил,
За бедность нищих не тиранил,
За золото знатных не курил, -

Пред тем – из терема ли льется,
Иль стелется на площади
Молва, как вихорь разнесется
И ляжет прахом назад! –
Пред тем молва – лишь свист народной,
Которым может человек,
В поступках, в чувстве благородной,
Гнушаться смело весь свой век!

Когда почиешь ты в покое,
Молва! уставши, хоть на час?
Души с умом в согласном строе,
Тебе ведь редко внятен глас!
А ты жужжанием надоела,
И с клеветою сделав связь,
Чернишь нередко то, что было,
И белой – называешь грязь

Играйте, пойте, веселитесь,
Два века нам не подарят;
Чужого толку не страшитесь,

Будь всяк умом своим богат!
Но знай держать его в границах:
Шути с приятелем остро;
А при великолепных лицах
Кусай язык – и прячь перо.

Весь мир вотще хотят исправить;
А я давно уж знаю то,
Что лучше, чем он есть, составит
Не смыслит нового никто.
Пускай кружится свет, как знает,
Я снисходительнее всех:
Кто сам меня не задевает,
Тому и я прощаю грех.

Так полно ссориться, ребята,
И милости прошу ко мне!
Моя трапеза не богата,
Но правда чистая в вине.
Летит весна, придёт Святая,
И солнца станет луч сиять,
А мы здесь долгу, всех лобзая,
Начнём немедленно играть.

Ужасней черта, кто порочит
Забав невинных простоту;
Злодей шипит и не хохочет,
А добрый любит суету. –
Ко счастью взяв мечты дорогу,
Я благодарен Небесам! –
Мой дух принадлежит лишь Богу,
А сердце всё – моим друзьям!!!

Камин в Москве

Еще мы лета не видали,
А уж опять зима как тут!
Морозы в комнату вогнали
И долго выйти не дадут;
Краса природы изменилась,
Завесой ночи обложилась.
Ахти, что делать? что начать?
Придвинусь к милому камину
И с ним мою тоску, кручину,
Как прежде, стану разделять.

В каких краях я ни шатался,
Велик ли, мал ли был мой дом,
В высоких замках величался,
Иль крылся внутри своих хором,
Камин, мой зимний благодетель,
Везде был дел моих свидетель –
По суткам с ним живал один;
Тоску, печали и досады,
Утехи, радости, отрады –
Все мой заведовал камин.

На все судьбы людские в свете
Когда я мысленно гляжу
И у камина в кабинете
О человечестве сужу,
С трудом в моем воображеньи
О счастье общие всех мненьи
Могу я с правдой согласить.
Весь мир шумит и колобродит,
Но вместо счастья что находит?
Лишь новы способы тужить.

Цари, по самой доброй воле,
Оставя трон, бегут к ружью,
В своей толь знаменитой доле
Клянут нередко жизнь свою.
Бояра, сколько ни тучнеют,
А так же в счастья беднеют,
Как самый их последний раб.
И тот в своей огромной сфере,
И сей в землянке, иль в пещере,
Равно против напасти слаб.

Везде о счастья писали
И будут вечно толковать;
Нигде его не отыскали.
Ах! трудно счастье стяжать!
И я, мужик хоть немудреный,
Сказать то так же, как ученый,
Могу: оно в самом во мне.
Да где и как найти? – не знаю;
В печали – наяву страдаю,
А весел – все будто во сне.

Против страстей восставши лихо,
Чело нахмуря, как Катоп,
Когда в душе его все тихо,
Философ свои дает закон:
«На что страстям порабощаться?
Рассудку должно покоряться.
Все наши прихоти мечта;
Все здесь, о люди! скоротечно;
Ищите в небе счастья вечно,
А мир – сует есть суета.

Коль сыт одним – на что три блюда?
Коль есть кафтан – на что их пять?
К чему потребна денег гряда?
Умрешь – с собой вить их не взять.
Стесни ты нужд своих границы,
Беги в деревню из столицы,
Живи спокойно малый век,
Терпи обиду равнодушно,
Сноси печаль великодушно,
Будь выше, нежел человек».

Да сам ты что, мой поучитель?
Ты бог, иль ангел во плоти?
Глубокой мудрости рачитель!
Позволь во внутрь себя войти!
Открой не ум один, но чувства,
Вещай без всякого искусства,
Ужли таков ты вправду стал?
Я вижу – тщетно лицемеришь;
Сей проповеди сам не веришь,
И вышел ты – пустой кимвал!

О, если б люди все так жили,
Как им рассудок повелел!
Когда бы чувства тише были,
Источник крови б не кипел,
Куда бы было жить прекрасно!
Все было б мирно, безопасно,
Любовь была б союз всех стран;
Друг друга люди бы не ели,
Ужиться меж собой умели
Француз, араб и мусульман.

О, если б – это только слово
Когда в заглавьи положу,
Одну ли землю – небо ново
Тотчас пером моим рожу.
Все царства будут изобильны,
Все люди будут равно сильны;
Нигде ни снега, ни зимы,
Цветы расти вседневно станут,
К каминам бегать перестанут, –
Совсем переродимся мы.

Ах, нет! мне жаль камина стало!
Оставим лучше все как есть:
Того, что мне на разум вспало,
Никак не можно произвести.
Пусть себе кружится сфера,
И пусть различная химера
Играет каждого умом!
Творец все к лучшему устроит;
Нас ныне стужа беспокоит,
Зато не страшен летний гром.

Молву я слышу повсечасну
О свойстве добрых поселян:
Какую жизнь ведут прекрасну!
Закон природы не погран.
У них грубей, твердят мне, нравы,
Но несравненно их забавы
Простее, нежели у нас:
Друг с другом водятся в свободе,
Не пьют и не едят по моде.
Неправда! – так же, каков час.

Когда даются серенады
У вас в прекрасный летний день.
Шумят прозрачны водопады,
От зноя кроет кедров тень,
Тогда мужик коня впрягает
И плугом землю раздирает,
Или беремя дров тащит,
Или сквозь тусклые окошки,
В которы не видать ни крошки,
Зимою на метель глядит.

Жену хоть часто он целует,
Но коль обман подстережет,
Жесточе нас вознегодует
И за неверность сильно бьет.
Он мил быть хочет поневоле,
Не смысла прав над нею боле,
Как то, что венчан – петый кус {*}.
И так, как мы перед министром,
Так точно он перед бурмистром
Застенчив, робок – тот же трус.
Согласен я, что наши страсти
Не нарушают их покой;
Зато у них свои напасти:
Уроки, порча, домовой.
И так они в словах разбились,
Но в вещи мало отличились.
Грущу и я, грустит и он.
А что мы модой называем,
Мы точно то ж у них встречаем:
Обычай их в селе – закон.

Одно лишь умствование наше
Влечет нас бедных разбирать,
Чья участь чьей судьбины краше,
Что лучше: ползать иль пахать.
Ах! всякий ношу свою тянет,
Вседневно в меру сил устанет,
От дроворуба до царя.
Тот мнит, что я богат и тучен,
А я, что он благополучен;
Но все умов пустая пря!

Я тут себя не исключаяю,
Подобный прочим человек;
В желаньях также убиваю
Бесплодный мой и краткий век:
Чужой ревную часто доле,
В воображаемой неволе
Кружу с досады весь мой ум;
Бываю многим недоволен;
Дни два грущу, да дней пять болен
От бури беспокойных дум.

Камин! тобой не променяюсь
На все сокровища вельмож!

Тобою часто утешаюсь,
Всегда мне мил, везде пригож.
Пускай печали неизбежны,
Но с ними смехи часто смежны.
Ты будь престол моих забав;
А книг моих с меня довольно;
От них ни тесно мне, ни больно:
Читаю то, что мне на нрав.

Когда же книгу я оставлю
И углублю в камин мой взор,
С каким веселием представлю
Различных случаев собор!
Моей всей юности картину,
Сует успехи и причину
Тотчас в уме вообразу;
На север, юг, и на столицу,
И на финляндскую границу
Как будто я теперь гляжу.

Винюсь, мой боже! пред тобою, —
Я праздно молодость убил;
Влеком обычая волною,
И день и ночь мечтам дарил.
То там, то сям я суетился,
Искать знакомства торопился
И мыслил: «Это все заем,
Которым я кого ссужаю;
Со временем сей долг, я знаю,
Красен мне будет платежом».

Ошибся я в моем расчете,
Пропал весь труд мой ни во что,
И из людей мне на примете,
В ком я искал тогда, никто —
Не говорю благодаянье —
Ниже малейшее вниманье
Ко мне с тех пор не показал;
И коль встречать мне их случалось,
То — вероятно ль бы казалось? —
Иной меня не узнавал.

Таков сей свет, такие люди,
И сбитенщик не лжет Степан,
Конечно — что плывет, все уди,

Что ни дадут, клади в карман.
Два слова я и он вовеки
В одно не свяжут человеки,
И вряд найдешь ли где кого,
Кто бы, соседа повстречавши,
Не мыслил, руку ему жавши:
Мне все – другому ничего!

Пора ко нравам примениться,
Мне скоро будет сорок лет,
Пора из опытов учиться
Ценить людей, узнать сей свет.
Искать друзей есть обольщенье
И сердца суетно стремленье.
Исполнилася в наши дни
Людского равнодушья мера;
Не требуйте на то примера:
Увы! – во множестве они.
В глаза друг друга все расхвалят;
Но случай лишь придет помочь,
Тотчас цены твоей умят,
Пойдут, не молвя слова, Прочь.
Умен ли кто – тот так задавит,
Что целый век тебя заставит
Об нем с слезами вспомнать.
Дурак – тот, где ни повстречает,
Каменьев пропасть накидает
И ими заградит твой путь.

А вы, которы без умолку
Чувствительностью надмясь,
Предрассудительному толку
Несете в жертву сердца связь,
На что вы так дары небесны,
Любезность, ум, черты прелестны,
Употребляете во зло?
Почто над чувствами другого
Толико ваша власть сурова,
Что жить не в силу нам пришло?

От зол таких моя отрада
Единый бог – бог твари всей;
Мне ничего уже не надо:
Не жду блаженства от людей.
Стократ приятней, дома сидя,

Соблазнов света в нем не видя,
С своей семьёю просто жить!
И, скромно время провождая,
Рассудку здраву угождая,
Дрова в камине шевелить!

Вечеринка в саду

Хороший вечер и с друзьями
В забавах сельских сущий рай;
Как счастлив тот под небесами,
Кому Бог дал вседневный Май!
Природа солнцем щеголяет,
Луна играет с ним в волне;
Меж тем век золотой мечтает,
На все любуясь в тишине.

Под скрипку там ребята скачут,
Старик смеётся в седицах;
Где глаз не видно, кои плачут,
Там жизнь – как мягкий путь в цветах,
Свободой полной наслаждайся,
Не бойся чувствам воли дать,
Приязнью доброй угощайся;
Чины к натуре не под стать.

Игрушек разных в свете много;
Их ищут люди день и ночь;
Об них Философ судит строго,
Но сам играть с детьми не прочь.
Прильнувши летом к хороводу,
Услышав нежную свирель,
Он также даст глазам свободу,
Приложит ухо слушать трель.

Оставим молодость резвиться,
Пока она среди тех лет,
В которы сердце не крутится,
Войны ещё с рассудком нет;
А мы, кружок составив с ними,
Помолодеем на часок,
И как с сердцами жить простыми:
Возьмем в забавах их урок.

Мой кабинет

Вот моё уединенье;
В нём всё мило простотой,
Все приносит утешенье. –
Здесь покойною душой
На прекрасную природу
В ясный день в окно смотрю;
Вижу лес, луга и воду.
О! как всё я здесь люблю!

Вот тот стол, где я прилежно
Иногда с пером сижу,
Изливая чувство нежно,
На Купиду погляжу;
Он в кумире ободряет,
Мысль мою животворит,
Он мой труд благословляет
И успех ему сулит.

Здесь я время провождаю
Без досады в тишине,
Ум и сердце занимаю,
Дух покоится во мне;
Здесь по утрам поклоняюсь
Первым солнечным лучам;
Здесь с восторгом удивляюсь
Я Диане и звёздам.

Вот диван, где я ночую,
Там люблю я размышлять,
И к своей судьбе чужую
Беспристрастно применять.
Чем могу быть недоволен?
Меня любят – я люблю.
Я в моих поступках волен,
И насильства не терплю.

Ни от скуки, ни с печали
На часы я не гляжу;
Хоть идут они, хоть стали,
Нужды в них не нахожу.
Для меня здесь дни не длятся, –
Они сплошь бегут, как миг;

Чем быстрее к концу стремятся,
Тем сильнее жаль мне их.

Вы, большого света люди,
Коиx вздор так веселит!
Ах! как часто в ваши груди
Стрела горести летит! –
А я здесь (хвала вам, Боги!),
Дав рассудку полную власть
Удалил страстей тревоги,
Кои нас влекут в напасть.

Коль хотите быть блаженны,
Цену радостей познать,
Будьте вы уединенны
И престаньте вздыхать.
Вам, как мне, сама природа
Способ даст приятно жить,
Вас восхитит дух свобода;
Что ж дороже может быть?

Мне бы жить в Москве хотелось...

Мне бы жить в Москве хотелось,
Играть в карты, танцевать,
Милым быть еще б умелось,
Стал бы жить, да поживать;
Но лих часто так бывает,
Что не в меру рок суров.
Кто жил больше, тот знает:
Хоть не рад, да будь готовь.

Иной любит за пирушкой
Целый вечер просидеть,
Вины крепкие пить кружкой,
А напившись, песни петь.
Поглядишь другой порою,
Тот же янчик, не таков;
Гложет хлеб сухой с водою,
Хоть не рад, да будь готов.

Иной любит в маскараде
Щегольком себя казать,
Весь в духах, в большом наряде,

Любит город обскакать;
Тот же хватике сплошь вздыхает,
Сидя дома без чулков;
Фрак жилетом выкушает.
Хоть не рад, да будь готов.

Другой к банку прилепясь,
Ставит кучи день и ночь.
На фортуна рассердясь,
Сам себя загнуть не прочь;
Ан домой как заберется,
Ни полена нету дров;
Дует в ногти, в угол жметяся.
Хоть не рай, да будь готов.

Знатной барин цугом дует
И дивит собой народ;
А народ, то зря, толкует:
Этот всех знатней Господ!
А другой хоть и смекает,
Что вся шутка семь скотов;
Но с поклонцем забегает,
Хоть не рад, да будь готов.

Парфену

Парфен! напрасно ты вздыхаешь
О том, что должен жить в степи,
Где с горя, с скуки изнываешь.
Ты беден – следственно, терпи.

Блаженство даром достается
Таким, как ты, на небеси,
А здесь с поклону все дается.
Ты беден – следственно, проси.

Коль барин насмех поднимает,
Вменяй то в честь и не ропщи;
Тобой он тешиться желает.
Ты беден – следственно, молчи.

Не смей отнюдь тем обижаться,
Что некогда ему тобой
В своей уборной заниматься,
Ты беден – так в сенях постой.

Иной шага не переступит,
С софы не тронется своей,
А сходно все достанет, купит.
Ты беден – бегай и потей.

О бедность! горько жить с тобою!
Нельзя и чувствам воли дать.
Я, рассуждая сам с собою,
Не мог вовек того понять,

Как могут люди быть такие,
У коих множество всего,
И в том же свете есть другие,
У коих вовсе ничего.

Иной в прекраснейшей палате
Дает вседневный пир друзьям;
А рядом с ним в подземной хате
Другой не ест по целым дням.

Богач теряет десятину,
И все кричат: «Какой урон!»
А бедный выронит полтину –
И никому не жалок он.

Обижен сильный – шум, тревога;
Обижен сирый – быть должно!
Иль в области всесильна бога
Парфен и Крез не все равно?

Ужли различны всем на свете
Удел судьбы, природы дар!
Иным все радости в предмете,
Другим, что шаг – то и удар.

Ах, нет! нельзя, чтоб провиденье,
Создав меня, тебя, его,
Пролило все благотворенье
Из нас из трех на одного.

Равно нас матери утроба,
Равно и носит, и родит;
И всем, в свой час открыв дверь гроба,
Равно нас смерть туда валит.

За что ж? – Опять позабываешь,
Что ты не должен рассуждать,
Ко всем вопросы посылаешь;
А знал бы ты, Парфен, – молчать.

Терпи свое тихонько горе,
И знай, что наша жизнь была
И будет впредь такое море,
В котором гадов несть числа.

Рассудком тщетно ты хлопчешь
Предрассужденье одолеть;
И если волею не хочешь,
Насильно будешь же терпеть.

Так верь ты мне, Парфен! держися
Пословицы казачьих стран;
По их системе жить учися:
Терпи – и будешь атаман.

Примечание

Как жаль, что в свете иногда
Обширный ум и просвещенный,
Водим душою оскверненной,
Способен только для вреда! –
Или нельзя благой Природ
Такую доброду дасть часть,
Чтоб он мог, действуя в свободе
Лукавства в сети не попасть?

Лукавый мыслить часто так,
Что муж открытый, добродушный,
Движениям чувств простых послушных,
Ничто иное как дурак; –
Обман! – И добрый также знает,
Как стиснуть может он кого;
Но к сим трудам не прилагает
Ума невинна своего.

Он добр совестных начал,
От правил части и закона;
Не сильна мзда, ниже глас трона

Велеть, чтоб он от них отстал.
Но тот, кто хитростью гордится
И взором ближнего не чтит,
Тот все, все веселится,
Когда с улыбкой зло творит.

Муж правый ходит без забот
Его враг хитрый не тревожить;
Пусть он разны средства множит
Собравши всякой черви сброд,
Дать сердцу чистую язву люту
Удачи нет в его стрелах:
Он лишь колет на минуту,
А злого мучит вечный страх.

ПРИМЕЧАНИЯ

К Амуру

Стихотворение из цикла «Мои субботы». Прим. Долгорукова: «Так я назвал мои разные стихотворения, которые по условию с одним приятельским обществом читал я в своём доме на субботних вечеринках».

Долгоруков обращается к мифу об Амуре и Психее, к идее о единстве духовного и физического. В стихотворении отчётливо вырисовывается создаваемый автором «культ» Амура. Божество любви, свободы и блаженства играет немаловажную роль на протяжении всего творчества поэта.

Долгоруков и в своей повседневной жизни нередко использовал наименования божеств Древнего Рима. Отношения с прекрасным полом, воодушевляемые любовью, он считал своими «амурами». Глаголы «кокетничать»; «флиртовать»; «влюбляться» по своему значению были близки модному тогда слову «амуриться».

Узрив небесные черты – Увидев небесные черты. *Дитя любимое небес* – образ Амура традиционно представлялся в искусстве в виде нагого ребёнка-ангела. *Венерин сын* – в древнеримской мифологии Амур является сыном Венеры и Марса. *Коснитесь крылышек его* – атрибутами Амура являются крылья и стрелы любви. *Жертву непорочну* – Жертву невинную. *Готов вседневно возсылать* – Готов каждый день возносить. *Тебе, властителю всемогучу* – Тебе, властителю всемогущему.

Минутная тоска от разлуки

В это время князь находился в разлуке с княжной В. П. Волконской, находясь во Владимире. Разлука сильно сказалась на чувствах поэта: то он терял к Волконской интерес, то страсть вновь возрождалась благодаря личной переписке. «Пламенные страсти» и составляют, в сущности, повседневный образ жизни Долгорукова.

И милаго лишаться – И милого лишаться. *Вселенна несносна* – Вселенная несносна. *Без чувства сердечна* – Без чувства сердечного. *В дом зазвать* – Пригласить в гости. *Черну тучу* – Чёрную тучу. В поэзии Долгорукова отражены черты морфологической нормы XVIII в. Эти прилагательные современным сознанием определяются как краткие формы. В XVIII–XIX вв. усеченные прилагательные использовались только в языке поэзии, и потому в современной науке они определяются в качестве искусственной черты поэтического языка. *И в поле том не впрок* – И в поле том не на пользу. *Гулянье повернется* – Прогулка получит неожиданный исход. *Аленький цветок* – символический образ духовного невидимого огня. *Пресекся жизни дух* – Прервался жизни дух.

Всё с тобой меня прельщает

Стихотворение посвящено Варваре Петровне Волконской – возлюбленной поэта.

Долгоруков посвящал немало стихотворений особам женского пола, что, в общем, было в нравах того времени. В моду входило «поклонение прекрасному полу», «прославление в стихах красоты» или же «пламенное выражение страсти» [Дмитриев: 43–44].

Всё с тобой меня прельщает – Долгоруков был человеком своего времени, прельщающимся земными «наслаждениями». *Грусть души не возмущает* – поэт отнюдь не унывал в обществе женщин, напротив, находил в нём особое удовольствие. *Славу тягостью считаю* – духовность, участливость, долг, совесть, добро, счастье – эти качества, понятия и ценностные ориентиры во многом определяли поведение человека XVIII века. *В ней нет счастья моего* – концепт «Счастье» был одним из наиболее значимых в картине мира европейцев и русских в XVIII – начале XIX в. *Самый трон* – Самую власть.

По тебе я воздыхаю

По тебе я воздыхаю – Устаревший глагол *воздыхать* имеет два значения: 1) быть влюблённым; 2) тосковать. – Долгоруков шесть лет служил в Пензе вице-губернатором. Соответственно, стихотворение написано в период с 1791 по 1797 г. *Слава тленна* – преходящая слава.

Люблю с тобою говорить

Тьма приятностей – Много удовольствий. *Любезным слыть* – Считаться любезным быть. *Неся твой зрак везде собою* – Ощущая твой взгляд везде на себе.

Долгоруков использует одно из основных тогда значений слова «блаженство» – счастье любовника. Галантное чувство, открытое в начале века Просвещения и узаконенное указами Петра Великого, является здесь предметом воспевания [Абрамзон, 373].

Ах! как скучно жить в разлуке

Стихотворение посвящено одновременно и вымышленному и реальному персонажу – Нине. Роль Нины в пьесе по мотивам романа «*Quand le bien aimé reviendra*» (в пер. с фр. «Когда возлюбленный вернётся») сыграла жена поэта – Евгения Смирнова. Князь нередко в своих мемуарах отмечал её превосходство как актрисы над другими: «Она истощила все силы чувств и голоса. Чем проще казалась ее игра зрителю, тем более она ее изнуряла, ибо простота здесь была крайнее совершенство искусства. Все в Евгенье соответствовало принятому ее характеру: речь утомленная, голос нежный, выговор приятный, походка медленная, взор меланхолический, наряд простенький, игра без всякого жеманства – всё, всё, было в ней совершенно». По мнению знатоков театра, ни одна из актрис не могла равняться с его женою. По сценарию, Долгоруков играл роль отца Нины. С того момента жену поэта стали называть

«la princesse Dolgorukova Nina» (в пер. с фр. «Княгиня Долгорукова Нина»). Князь отмечает, что в своих стихах он дал жене прозвание «Нины».

И в порфире на Престол – парадное церемониальное одеяние монарха на троне. *Мира грозные Судьи* – правители. *Утекайте, злы минуты* – Уходите, злые минуты. *Уносите вздохи люты* – Уносите вздохи мучительные.

Без любви на свете можно

Без страстных дней – предлог/приставка «без» характеризует как отсутствие того, что названо словом. Имеется в виду человек, в жизни которого отсутствуют «страсти».

Без тебя, моя Глафира!

Будь со мной, доколе жив – Будь со мной, пока я жив. *Ни в большие Господа* – князь выражает своё отношение к знати. На определённом этапе своей жизни Долгоруков приходит к осознанию того, что частный быт человека относительно независим и способен доставить не меньше удовольствий и наслаждений, чем бурная государственная, военная и любая деятельность. *Без тебя – вся жизнь страданье* – Варвара Петровна оставалась в его жизни неким идеалом женской души. *Без тебя – пустыня свет* – князь подчёркивает пустоту мира без его возлюбленной. *Я люблю тебя всех боле* – Я люблю тебя больше всех. *В толь приятной сердцу доле* – в настолько приятной сердцу участи. *Ты мой друг и жизнь моя* – в поэтическом словоупотреблении XVIII–XIX вв. «друг» – это женщина, с которой мужчина имеет интимные либо дружеские отношения.

Прости! я обнимаю

Написано от лица женщины. Структуру стихотворения организует монолог героини, отражающий ее эмоциональное состояние.

Утех за краткой час – Утех за малый час. Прилагательное «краткой», имеющее окончание «ой» в мужском роде и именительном падеже, пришло из старославянского языка. Окончание свойственно для речи социальной верхушки. *Лети в страну далеку* – Лети в страну далёкую. *Я к сердцу мне драгому* – Я к сердцу мне дорогому. *Коль счастлив ты – я рада* – Если счастлив – ты я рада. *Коль грустен – я крушусь* – Если грустен – я сокрушаюсь.

Любовь нам не в отраду

С чувствительной душой – князь жил в «чувствительную эпоху» (рубеж XVIII–XIX вв.), которая создала идеал простой и естественной жизни в гармонии с природой. Любовная лирика Долгорукова восходит к «чувствительной» «салонной поэзии», созданной под влиянием французской позднеклассицистической поэзии. Салонно-альбомная литературная культура содержит характерные темы сентиментализма (дружба, разлука и т. п.). *О милая Глафира!* – в стихотворении под данным «поэтическим псевдонимом» может скрываться как В. П. Волконская, так и любая другая женщина, которой увлекался князь. Известный исследователь В. И. Коровин, переиздавший

сборник «Капище моего сердца», отмечает, что под именем Глафиры Долгоруков подразумевал и других женщин [Капище, 375]. В значении имени «Глафира» кроется «воспитанность», «тонкость», «изящество», что опять-таки соответствует женскому образу «чувствительной» эпохи. *Без сердца твоего* – тема «сердца» – одна из важнейших в поэзии сентиментализма. *Тобою изумлён* – вариант с окончанием «ою» широко используется в поэтической практике Долгорукова, чтобы сохранять ритм 4-стопного ямба; сейчас считается устаревшим.

Эпиталама Е... П... У...

На рубеже XVIII–XIX вв. русские писатели, любители старины и собиратели фольклора обращаются к обрядовой поэзии. Однако, описывая даже собственные свадьбы, мемуаристы ничего о свадебных песнях не говорят [Петров, 27]. Эпиталаму Долгоруков пишет в 1790-е годы, примерно в то же время, когда этим жанром начинает увлекаться его старший современник – Г. Р. Державин. Отталкиваясь от классических образцов, Долгоруков интересуется бытовой, житейской стороной брака.

Супруг! Люби жену, коль счастлив быть желаешь <...> / Супруга! будь равна и ты с ним откровенна – в эпиталаме должны содержаться наставления новобрачным. *Нежну страсть* – Нежную страсть. *Сим способом* – Этим/таким способом. *Нет счастья на земле, коль нет благоустройства* – модальность эпиталамы основана на эмоциях радости, восторга, веселья и на разных приятных чувствах и переживаниях [Петров, 27]. *Друг другу сноровить* – друг другу угодить. *Сего приятель ваш желает вам сердечно* – также обязательны в эпиталамическом жанре благопожелания, молитвы о даровании счастья и Божественного благоволения [Петров, 27]. *Где (так как говорят) с женой у мужа лад* – народная мудрость.

Луна

Интерес к «луне» Долгоруков отмечал у княжны В. П. Волконской.

Глафире

Цикл, посвящённый В. П. Волконской, состоит из трёх стихотворений. Посвященные княжне Волконской стихотворения, как правило, приурочены к конкретному «случаю». Первое стихотворение цикла написано излюбленным князем александрийским стихом, который, с одной стороны, сохраняет «память» о патетических монологах трагических героев, а с другой – обогащается разговорными интонациями.

Расклат я свой камин, подвинув кресла, сел – тема «камина» является одной из главных в творчестве поэта. *Геката мне в окно лучи свои бросала* – Долгоруков обращается к древнегреческой богине лунного света, что в целом не удивительно, ведь именно с ней у него ассоциируется В. П. Волконская, приверженная к луне. *Когда б, как Демосфен словами изумлял* – Долгоруков затрагивает тему ораторского искусства. *Когда бы, как Вольтер, познав стихов*

искусство – прославление возлюбленной заставляет князя принимать облик стихотворца Вольтера. *Когда бы как Лукулл, Антоний и Помпей* – князь представляет себя древнеримским государственным деятелем, который возвышает предмет своей любви над смертными. *Тогда б не только сам я рифмы стал слагать* – поэт говорит о себе как о стихотворце-дилетанте. *Но сжалился со мной владыка сна, Морфей* – лирический герой погружается в сон, попав под гипнотическое воздействие древнегреческого Бога сна – Морфея. *Как вдруг перед меня мой Гений появился* – появление Морфея.

На шутку моей жены

От чертога твоего – «чертог» – это устаревшее торжественное слово означает некое большое помещение. *Голос мой всегда дичился* – Голос мой всегда стеснялся, пугался. *На кручину лишь одну* – обращение поэтом к лексике народной поэзии.

Сонюшке

Стихотворение посвящено Софье Николаевне Рубецкой, принадлежащей к сообществу княжны В. П. Волконской. По воспоминаниям Долгорукова, «она была непригожа, но крайне привлекательна, и я любил ее без всякого восторга, но всей душою. Она имела преприятный голос и, образовав его новейшей методой, певала, как ангел, обучалась многому с успехом. Я ей посвятил все собрание песен моих, которые напечатаны и между коими иные собственно ей принадлежат» [Капище, 249].

Видал ее и в амазоне — в костюме для верховой езды. *Борзый* – народно-поэтическое слово в значении «быстрый». *Всегда равна, всегда пригожа* – использование лексики народной поэзии. *Восток с Полуднем соединить* – Речь идет о мечтательности; возможно, в этих аллегориях зашифрованы указания на какие-то географические реалии.

Любовь

Что не поклёплют и меня – Что не клеветают на меня. *Она разрушит все препоны* – Она разрушит все препятствия.

Сколько раз, жестокий, клялся

Отомщай ты за меня – Отомсти ты за меня.

Без затей, в простом обряде

Стихотворение посвящено супруге Долгорукова – Евгении Смирновой. *В черный день не унываем* – в печальный день. *В красный пляшем и поем* – в праздник, во время пиршества. *Там с ней взапуски резвлюся* – Там с ней наперегонки веселюсь. *Пусть фортуны обольщенье* – Пусть удачи обольщение. В эпоху эллинизма в Древнем Риме почиталась богиня урожая, удачи и случая – Фортуна. *Нина, ты мое прельщенье* – жена поэта.

К портрету Кн. Е. С. Д.

Семнадцать лет вкушал с ней райских дней блаженство – 31 января 1787 года Евгения вышла замуж за Долгорукова, соответственно, стихотворение датируется 1804 годом.

На именины Кн. В. Ю. Д.

Стихотворение посвящено княгине Варваре Юрьевне Горчаковой (урождённая Долгорукова).

В какой я весь ваш дом люблю и почитаю – родственных отношений Долгоруков с семейством не имел, особенно почитал отца княгини – Юрия Владимировича Долгорукова, генерала-аншефа, который много лет оказывал ему помощь. По словам самого князя, в этом семействе он всегда был родной, ближний, домашний [Капище, 118].

Пусть слава в жертву жизнь приносит

Кто сей мечтою заражён – Кто этой мечтою увлечен. *Сокровища собирая* – Сокровищ собирая. *Игрушки каждый день меняем* – Каждый день увлекаемся чем-то новым.

Камин в Пензе

В рукописях князь определяет дебютное произведение будущей трилогии как оду. Долгоруков не скрывает того, что «Камин в Пензе» получил большой успех: его читали в Москве, в Петербурге и даже в Париже. Поэт подчёркивал личный характер стихотворения: «Напечатан был сей “Камин” в типографии у Струйского и в небольшом количестве, для подарка только моим приятелям и коротким» [Повесть, Т. 1, с. 407]. Успех ободрил князя и вдохновил его на новые рифмы: «<...> в том же году несколько стихов написал я на разные случаи» [Там же, с. 407].

В мемуарах Долгоруков даёт описание повседневного уклада жизни, нередко также описывает осеннее или зимнее времена года. Разумеется, именно в такие моменты жизни он видит своё утешение в камине [9, с. 560]. Период «каминного цикла» сопровождается формированием у князя склонности к философским размышлениям: «<...> Краткая минута, оставленная мне на размышление, пока приводили все около меня в порядок, была самая тяжелая для души <...>» [Там же, с. 272]. Именно глядя на свой домашний очаг, Долгоруков познал наслаждения сердца нежного, чувствительного, для которого нет блаженства на свете ни в каком чувстве, ни в какой мысли, ни в одном поступке, отвлеченном от любви [Там же, с. 408].

В связи с большим успехом стихов и/или с изменениями взглядов князя на жизнь, «Камин в Пензе» становится одним из любимых стихотворений Долгорукова.

Авось

По определению самого автора, данное стихотворение является пьесой в стихах. Стихотворения подобного характера очень нравились А. С. Пушкину [Коровин, с. 332], по этой причине современные исследователи обращают на «Авось» особое внимание.

Измену Лизы, верность Нины – персонажи пьесы, поставленной Долгоруковым. *С чего ж начать свою мне оду* – князь пишет оду иронического и сатирического характера. *Любовь! тебя во всех возможных / Наречиях стихотворят* – Наречие – литературный язык. *Давно псалтирь в них наряжали* – жанр переложения псалма, популярный в XVII–XVIII вв. *Что Магомет богохулитель* – последний пророк и посланник Аллаха в исламе. *Колико нежных сибаритов* – праздные люди, стремящиеся к удовольствиям.

Спасибо 1799 году

Стихотворение «на случай» нового года. *Астреин век золотой* – в древнегреческой мифологии Астрея – богиня справедливости. Согласно греческой мифологии, «Астреин век» – это золотой век справедливого общественного устройства. *А я тебе пою, о время дорогое* – предметом воспевания становится «время». *Хоть мрачен для меня на первых был порах* – в начале года у князя были трудные времена в связи с любовными разочарованиями, судебным разбирательством, отставкой [Петров]. *Новорожденное Сатурна дитя* – новый год.

В последнем вкусе человек

Вторая и последняя пьеса в стихах в творчестве Долгорукова.

Что на bon mot я не готов – *bot mot* – в переводе с французского – «остроумное выражение». *Надутый барин не шипит* – ирония над знатным господином, который вечно чем-то недоволен. *Богач над бедным не трунит* – Богач над бедным не подшучивает. *Мазурка – рай для них земной* – Прим. Долгорукова: «Это имена плясок, в то время употребляемых».

Где лучше, как дома

Тужить о прошлом – Грустить о прошлом. *Коль настоящее любезно* – в 35-летнем возрасте Долгоруков приходит к осознанию того, что настоящее является единственно прочной основой пребывания человека в мире [Петров, с. 192]. *Руда веселья* – видимо, авторский окказионализм; руда – 1) кровь, 2) полезное ископаемое. *Тогда везде я Гог и Магог* – автор сравнивает себя с жестоким и кровожадным древним народом.

Зачем мы в жизни суетимся

По чести – откровенно говоря.

Печаль, души моей подруга

Кажу – глагол повелительного наклонения в значении «покажи».

Часы

Коль оченьки слезят – минуты меланхолии, испытываемой поэтом. *Но случай ли когда залучит* – Но случай ли когда заманит. *Мало мальски* – начальная часть сложных слов, вносящая значение «немного».

Я живу и веселюсь

И не стражду полюбя – устаревшее книжное слово «страдать». *Сердечушко* – разговорное уменьшительно-ласкательное слово, близкое к слову «сердечко».

Материалисту

И в землю возвращаю тушу – Умирая, возвращаю тело, плоть земле.

Барону

А... С... С...

Поздравление в стихах, посвящённое А. С. Строганову.

Мой театр

Театр играл в жизни Долгорукова существенную роль. Драматургические опыты страстного театрала и актёра-любителя отразились во многих его стихотворениях.

Мой рай – людьми набитый дом – Долгоруков любил устраивать у себя дома «вечеринки», где в основном собирались его друзья – любители театра. *Меня поносят* – Меня обсуждают, злословят. *Когда почиешь ты в покое* – Когда предашься ты покою. *Но правда чистая в вине* – парафраз выражения «In vino veritas» («Истина в вине») древнеримского писателя Плиния Старшего.

Камин в Москве

Как то, что венчан – петый кус – Прим. Долгорукова: Может быть, сие выражение покажется многим странно; но мне точно случилось видеть в отдаленной от Москвы деревне бабу, которая, будучи пририта мужем, на вопрос мой, любит ли она его, отвечала мне, и с некоторым сердцем: «Как же, мой батька! вить мы повенчались; он петый кус». *Не требуйте на то примера* – Прим. Долгорукова: На сих днях два меня поразили. Молодой мужчина застрелился, и некоторые из приятелей его, с коими он обращался и в кругу которых почитаем был необходимым, поговоря об этом как о странном случае сутки, на другие — поехали на бал и плясали. Умер также некто скоропостижно, и вместо кого-либо из родных или друзей, на снискание коих он лет с 60 века своего употребил, глаза ему закрыла сердобольная старая иностранка, а в гроб прибрали рабыи руки. Тут также ничья дружеская слеза на труп его не канула... Какая сильная для чувствительных сердец наука!»

Мой кабинет

На Купиду погляжу – на письменном столе князя стоял сувенир в виде Купидона со стрелой. Он мой труд благословляет – любовь и блаженство обеспечивают ему истинное счастье в жизни.

Мне бы жить в Москве хотелось

Иной любит за пирушкой – Кто-то любит мимоходом, развлекаясь.

Парфену

«Какой урон!» – «Какой позор!». А бедный выронит полтину – монета достоинством в полрубля (50 копеек). Терпи – и будешь атаман – пословица.

ГЛОССАРИЙ ЛИЧНЫХ ИМЁН, НАЗВАНИЙ И УСТАРЕВШИХ СЛОВ

1. Агнец – именование Иисуса Христа, известное из Евангелия от Иоанна, основанное на словах Иоанна Крестителя, называющего приближающегося Христа агнцем, искупившим грехи людей.
2. Александр (победоносный) – христианский святой, великомученик, наиболее почитаемый святой с таким именем и один из наиболее известных святых в христианском мире.
3. Амур – божество любви в древнегреческой мифологии.
4. Антоний – древнеримский политик и военачальник.
5. Астрея – богиня справедливости в древнегреческой мифологии.
6. Ахти – ах.
7. Венера – богиня красоты, плотской любви, желания, плодородия и процветания в древнеримской мифологии.
8. Влеком – влечь.
9. Вольтер – французский философ-просветитель XVIII века, поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк и публицист.
10. Всуе – напрасно.
11. Глафира – женское имя греческого происхождения (в пер. с греч. «воспитанность», «тонкость», «изящество»). Большая часть стихотворений Долгорукова адресована конкретным женщинам; некоторых он выводит под именами-псевдонимами. В любовных стихах, галантных и чувствительных, он отдает предпочтение самому чувству, как оно родилось в его душе. «У него, – как писал П. А. Вяземский, – была своя публика, разукрашенная разными Глафирами, Парашами, Людмилами, Раидами и многими другими, которые все вместе и каждая в свою очередь одаряли поэта вдохновением». Так, «Глафирой» поэт называет свою возлюбленную Варвару Петровну Волконскую. По откровениям поэта, она «воспламеняла сильным образом его чувства». Посвященные княжне Волконской стихотворения, как правило, приурочены к конкретному «случаю».
12. Гог и Магог – в эсхатологических мифах иудаизма и христианства, а также ислама (Йаджудж и Маджудж), воинственные антагонисты «народа божьего», которые придут «в последние времена» с севера или с других окраин населённого мира.
13. Демосфен – оратор Древнего Рима.
14. Деньской – в течение целого дня.
15. Доколе – как долго.
16. Евгения – первая жена поэта. В мемуарах Долгоруков неоднократно упоминает о том, что женился по любви на бедной девушке-сироте – Евгении Смирновой и, по его убеждению, оставался верен ей до конца своих дней: «И кто из смертных, кто станет рядом с сей женщиной, несравненной в моих чувствах? Никто из земнородных! Никто! Бог! и Евгения! Все прочее чуждо мне сегодня» – отмечает князь. Несмотря на свои убеждения касательно брака и сильные чувства к жене, находиться в обществе женщин или говорить об одном

из объектов своей страсти – едва ли не главное и единственное «счастье» в жизни Долгорукова.

17. Зрак – взор.

18. Капище – 1) пространство языческого храма, расположенное за алтарём, и предназначенное для установки капей (статуй, изображающих богов) или иных сакральных предметов. 2) У Долгорукова данное понятие связано с его мемуарами. Многочисленные параллели авторских пояснений смысла отдельных стихов и целых пассажей, которым они адресованы, можно найти в «Капище сердца моего, или Словарь тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни», где по дням года собрано 365 заметок о его знакомых. «Капище» – это в своём роде исторический источник, дающий возможность ознакомиться с жизнью русских дворян в конце XVIII – начала XIX в., однако в его задачи не входит передача фактической стороны дела. В «Капище» русский быт обрисовывается Долгоруковым более с интимной стороны, легко и непринужденно, через его личные впечатления и настроения, нравственные и чувственные реакции. Сам автор поставил себе непростую цель: вновь запечатлеть, уловить и передать то, бывшее, чувство, которое он испытывал в то или иное время. В. И. Коровин, переиздавший сборник «Капище моего сердца», датирует работу над ним 1818 годом, окончание работы фиксирует сам Долгоруков, записав в мемуарах под октябрём 1820 года: «Я кончил мой Лексикон».

19. Кой – который.

20. Колико – сколько.

21. Коль – если.

22. Крез – имя богатейшего лидийского царя VI века до Р. Х., которое сделалось нарицательным обозначением очень богатых людей.

23. Купидон – в древнеримской мифологии божество любви; соответствует древнеримскому Амуру и древнегреческому Эроту.

24. Лобзать – целовать.

25. Лукулл – римский полководец и государственный деятель.

26. Мазурка – польский народный парный танец.

27. Мзда – награда, возмездие.

28. Милон в Кротоне – знаменитый греческий атлет, живший около 520 г. до Р. Х. Он шесть раз становился победителем на Олимпийских играх и несколько раз на Пифических.

29. Морфей – бог сна в древнегреческой мифологии.

30. Нарохтиться – *намереваться, собираться что-либо сделать.*

31. Нина – роль пьесы, которую играла жена князя – Евгения.

32. Осьмнадцать – восемнадцать.

33. Паж – в средневековой Западной Европе мальчик из дворянской семьи, состоявший на службе в качестве личного слуги у знатной особы.

34. Парфен – приятель Долгорукова, архимандрит Донского монастыря, умный и чувствительнейший человек. Он отпел тело младшей дочери князя, Евгении.

35. Паче – тем более.

36. Перун – бог грозы в славянской мифологии.
37. Поклёп – клевета.
38. Помпей – римский полководец и политический деятель.
39. Порфира – мантия, верхняя одежда государей, в торжественных случаях.
40. Прибаска – частушка.
41. Резвиться – играть, веселиться.
42. Ромул – основатель Рима и первый римский царь.
43. Сапфира – драгоценный камень различных оттенков.
44. Сатурн – шестая планета от Солнца, и вторая по размерам планета в Солнечной системе после Юпитера. Сатурн назван в честь римского бога земледелия.
45. Сбитня – старинный русский горячий напиток из воды, мёда и пряностей, в состав которых нередко входили лечебные травяные сборы.
46. Свирель – народный музыкальный инструмент в виде дудки из дерева, тростника.
47. Стократ – сто раз.
48. Тартар – в древнегреческой мифологии ад, преисподняя.
49. Твари – живые существа (первоначально в религиозных представлениях то, что сотворено богом).
50. Толика – немного, несколько.
51. Туж – очень.
52. Фёкла – женское имя. В переводе с древнегреческого языка обозначает «слава Божья».
53. Химера – в древнегреческой мифологии огнедышащее чудовище с головой и шеей льва, туловищем козы и хвостом в виде змеи.
54. Эпиталама – жанр древнегреческой музыки, свадебная песня, исполняемая хором девушек и юношей перед покаями новобрачных.
55. Эпитафия – траурная надпись на надмогильном сооружении или мемориальной плите в форме литературного произведения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абрамзон, Т. Е. К вопросу о русском счастье (поэзия XVIII века) / Т. Е. Абрамзон. – Текст : непосредственный // Libri Magistri. – 2015. – Вып. 1. Литературный процесс : историческое и современное измерения. – С. 116–133.
2. Абрамзон, Т. Е. О забавной Фортуне в русской поэзии XVIII века / Т. Е. Абрамзон. – Текст : непосредственный // Юмор и сатира в координатах XXI века. – София, 2015. – С. 15–23.
3. Абрамзон, Т. Е. Основы теории литературы : учебное пособие / Т. Е. Абрамзон, Т. Б. Зайцева, А. В. Петров, С. В. Рудакова. – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ», 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.
4. Абрамзон, Т. Е. Филологический анализ текста (на материале произведений русской литературы последней трети XIX века) : учебно-методическое пособие / Т. Е. Абрамзон, А. П. Власкин, Т. Б. Зайцева, А. В. Петров, С. В. Рудакова, Т. И. Рожкова. – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ», 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.
5. Абрамзон, Т. Е. Филологический анализ текста (на материале произведений русской литературы I трети XIX века) : учебно-методическое пособие / Т. Е. Абрамзон, А. П. Власкин, Т. Б. Зайцева, А. В. Петров, С. В. Рудакова, Т. И. Рожкова. – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ», 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.
6. Абрамзон, Т. Е. Филологический анализ текста (на материале произведений русской литературы II трети XIX века) : учебно-методическое пособие / Т. Е. Абрамзон, А. П. Власкин, Т. Б. Зайцева, А. В. Петров, С. В. Рудакова, Т. И. Рожкова. – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ», 2016. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Загл. с титул. экрана. – Текст : электронный.
7. Абрамзон, Т. Е., Петров, А. В. Шуточные новогодние поздравления в русской поэзии первой половины XIX века / Т. Е. Абрамзон, А. В. Петров. – Текст : непосредственный // Гуманитарно-педагогические исследования. – 2018. – Т. 2. – № 1. – С. 69–80.
8. Алисова, Т. Б., Плужникова, К. Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров : учеб. пособие / Т. Б. Алисова, К. Н. Плужникова. – Москва : МАКС Пресс, 2011. – 176 с. – Текст : непосредственный.
9. Ахмедова, С. А. И. М. Долгоруков – бытописатель (на материале стихотворений «Камин в Пензе» и «Камин в Москве») / С. А. Ахмедова. – Текст : непосредственный // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2020 : материалы международной студенческой научно-практической конференции. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова. – С. 1143–1150.
10. Ахмедова, С. А. «Каминная трилогия» И. М. Долгорукова: метатекстуальный анализ / С. А. Ахмедова. – Текст : непосредственный // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2020 : материалы международной студенческой научно-практической конференции. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова. – С. 1150–1157.

11. Ахмедова, С. А. Образ «счастья» в стихотворениях на «случай» И. М. Долгорукова (на именины княжны В. П. Волконской) / С. А. Ахмедова. – Текст : непосредственный // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2019 : материалы международной студенческой научно-практической конференции. – Магнитогорск : МГТУ им. Г. И. Носова. – С. 597–600.
12. Бухаркина, М. В. К вопросу о разновидностях русского мадригала XVIII века / М. В. Бухаркина. – Текст : непосредственный // Литературная культура России XVIII века. – Вып. 2. Санкт-Петербургский гос. ун-т.; Факультет филологии и искусств. – 2008. – С. 86–101.
13. Гараева, Л. А. Выпускная квалификационная работа обучающихся по направлениям 45.03.01 и 45.04.01 «Филология» (подготовка, оформление, защита) [Электронный ресурс] : учебно-методическое пособие / Лариса Анваровна Гараева, Татьяна Борисовна Зайцева, Алексей Владимирович Петров, Светлана Викторовна Рудакова ; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (1,29 Мб). – Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2020. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Систем. требования : IBMPC, любой, более 1GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MSWindowsXP и выше ; AdobeReader8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул. экрана.
14. Дмитриев, М. А. Князь Иван Михайлович Долгорукой и его сочинения / М. А. Дмитриев. – Москва : Типография Л. И. Степановой, 1863. – 284 с. – Текст : непосредственный.
15. Долгоруков, И. М. Капище моего сердца или Словарь всех тех лиц, с коими я был в разных отношениях в течение моей жизни / И. М. Долгоруков ; сост., ст. и прим. В. И. Коровина. – Москва : Наука, 1997. – 394 с. – Текст : непосредственный.
16. Долгоруков, И. М. Повесть о рождении моём, происхождении и всей жизни, писаная мной самим и начатая в Москве 1788 года в августе месяце, на 25-м году от рождения моего / И. М. Долгоруков ; публ. Н. В. Кузнецовой, М. О. Мельцина. – Т. 1–2. – Санкт-Петербург : Наука, 2004–2005. – Текст : непосредственный.
17. Долгоруков, И. М. Сумерки моей жизни / И. М. Долгоруков. – Москва : Университетская типография, 1808. – 70 с. – Текст : непосредственный.
18. Зайцева, Т. Б. Концепт «Любовь» в творчестве А. П. Чехова (для антологии «Художественные константы русской литературы») / Т. Б. Зайцева. – Текст : непосредственный // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3 (33). – С. 705–711.
19. Зайцева, Т. Б. О людях и деревьях (к истории одного христианского сюжета в произведениях Киркегора и Лермонтова) / Т. Б. Зайцева. – Текст : непосредственный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2013. – № 5. – С. 77–80.
20. Оказиональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века / под ред. П. Е. Бухаркина, У. Екуч, Н. Д. Кочеткова. –

Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2010. – 448 с. – Текст : непосредственный.

21. Пашкуров, А. Н. «Прогулка по усадебному парку» как мотив русской поэзии рубежа XVIII–XIX веков (на материале цикла Ив. Долгорукова) / А. Н. Пашкуров. – Текст : непосредственный // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 33–37.

22. Петров, А. В. Брачно-свадебная поэзия в русской литературной культуре XVIII – начала XIX веков : монография / А. В. Петров. – Магнитогорск : МаГУ, 2013. – 238 с. – Текст : непосредственный.

23. Петров, А. В. Из истории маргинальных жанров в русской поэзии XVIII века (эпические стихи, эпиграмма, баллада) : учеб. пособие. – Магнитогорск : МаГУ, 2012. – 138 с. – Текст : непосредственный.

24. Петров, А. В. Новогодняя поэзия в России (от Тредиаковского до Бенедиктова) : монография / А. В. Петров. – Магнитогорск : МаГУ, 2009. – 267 с. – Текст : непосредственный.

25. Петров, А. В. Один год из жизни русского дворянина: концепт «Время» в стихах И. М. Долгорукова на 1799 год / А. В. Петров. – Текст : непосредственный // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей : междунар. сб. науч. статей. – Магнитогорск : МаГУ, 2012. – Вып. IV. – С. 15–25.

26. Петров, А. В. Поэтика эпиграмматических циклов Г.Р. Державина 1790-х годов / А. В. Петров. – Текст : непосредственный // *Libri Magistri*. – 2015. – Вып. 1. – С. 25–41.

27. Петров, А. В. Становление художественного историзма в русской литературе XVIII века : специальность 10.01.01 «Русская литература» : дисс. ... д-ра филол. наук / Петров Алексей Владимирович ; Московский педагогический государственный университет. – Москва, 2006. – 463 с. – Текст : непосредственный.

28. Петров, А. В. «Эротико-политические формулы» в торжественных одах 1741–1742 гг. (материалы к словарю одических топосов) / А. В. Петров. – Текст : непосредственный // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 3 (33). – С. 342–346.

29. Петров, А. В., Скворцова, М. Л. Петербургская свадебно-праздничная культура 1720-х гг. глазами немца (на материале «Дневника камер-юнкера Ф. В. Берхгольца») / А. В. Петров, М. Л. Скворцова. – Текст : непосредственный // *Libri Magistri*. – 2017. – № 4. – С. 92–111.

30. Рудакова, С. В. «И божество, и вдохновенье...» (образ А. С. Пушкина в контексте стихотворения «Новинское» Е. А. Боратынского) / С. В. Рудакова. – Текст : непосредственный // Болдинские чтения 2014. Министерство культуры и средств информации Нижегородской области; Государственный литературно-мемориальный и природный музей заповедник А.С. Пушкина «Болдино»; Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского. 2014. – С. 9–23.

31. Рудакова, С. В. К. Н. Батюшков и Е. А. Боратынский: «диалоги» с Парни / С. В. Рудакова. – Текст : непосредственный // Libri Magistri. – 2015. – Вып. 1. – С. 50–59.
32. Рудакова, С. В. Миф о золотом и железном веках как основа книги стихов «Сумерки» Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова. – Текст : непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2013. – № 4–2. – С. 142–146.
33. Рудакова, С. В. Мифологическое, историческое, поэтическое в контексте «Алкивиада» Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова. – Текст : непосредственный // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2012. – Т. 1. – № 1. – С. 7–14.
34. Рудакова, С. В. Философия счастья в лирике Е. А. Боратынского / С. В. Рудакова. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2012. – № 4 (108). – С. 103–114.
35. Степанов, В. П. Неизданные тексты И. М. Долгорукова / В. П. Степанов. – Текст : непосредственный // XVIII век : сб. статей и материалов. Сб. 22. – Санкт-Петербург, 2002. – С. 419–430.
36. Черниговский, Д. Н. И. М. Долгоруков как поэт-сатирик: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук / Черниговский Дмитрий Николаевич ; Московский Ордена Ленина и Ордена Трудового Красного Знамени педагогический государственный университет имени В. И. Ленина. – Москва, 1992. – 19 с. – Текст : непосредственный.
37. Шангина, И. И. Русский традиционный быт: Энциклопедический словарь / И. И. Шангина. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2003. – 688 с. – Текст : непосредственный.
38. Abramzon, T. E., Zaitseva, T. B., Kozko, N. A., Rudakova, S. V. Cultural mythology in the 18th century Russia: definition, typology, ways of functioning // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. Conference Proceedings. 2016. – С. 651–658.

Учебное текстовое электронное издание

**Ахмедова Сабина Адиловна
Петров Алексей Владимирович
Зайцева Татьяна Борисовна
Рудакова Светлана Викторовна**

**ДОЛГОРУКОВ И.М.
«Я ЧУВСТВАМИ БОГАТ, НО БЕДЕН В ИЗЪЯСНЕНИИ»**

Хрестоматия

0,94 Мб

1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2020 год
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра языкознания и литературоведения
Центр электронных образовательных ресурсов и
дистанционных образовательных технологий
e-mail: ceor_dot@mail.ru